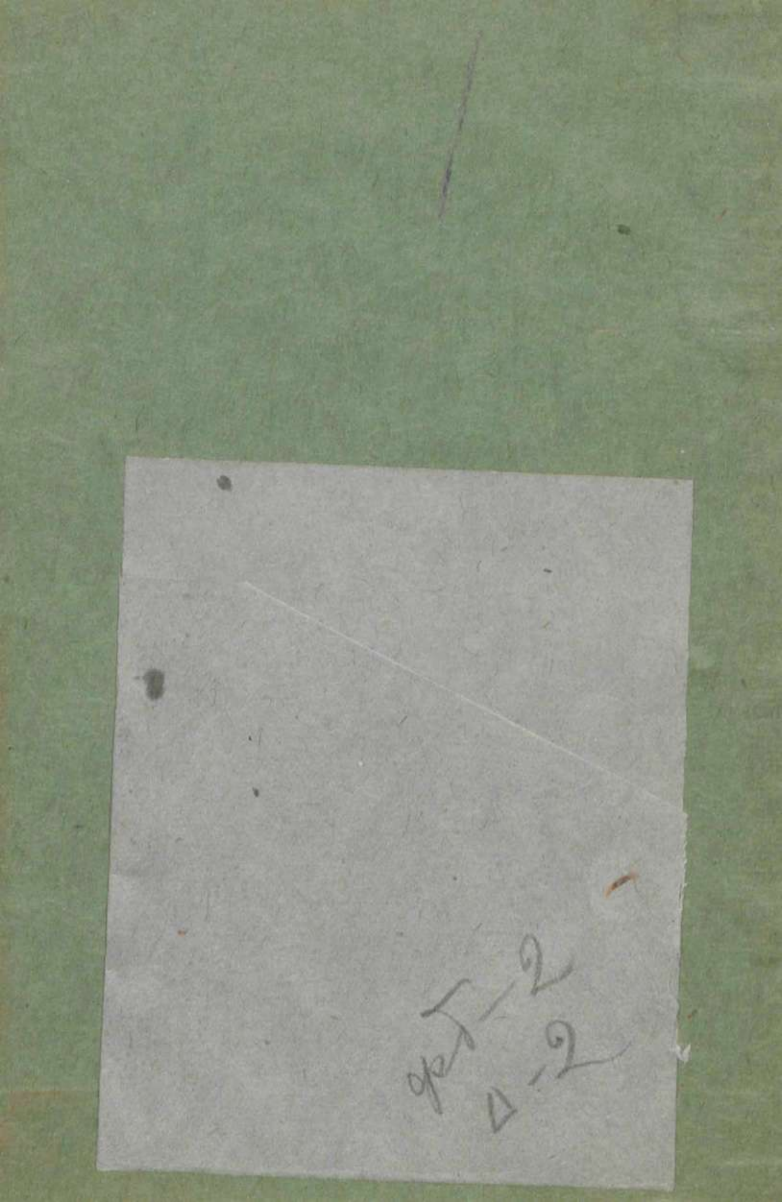
…нин • Н. И. Потапс

Азовские походы Петра I

ро… издат…

Б. В. ЛУНИН, Н. И. ПОТАПОВ

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ ПЕТРА I

(1695 — 1696 гг.)

РОСТОВСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов на Дону — 1940

К ЧИТАТЕЛЮ.

Выпуском данной брошюры Ростовское областное книгоиздательство и Ростовское областное бюро охраны памятников революции, искусства, культуры и археологии продолжают издание серии научно-популярной литературы, посвященной описанию историко-культурных памятников Ростовской области и исторических событий, связанных с этими памятниками.

К числу древнейших городов Советского Союза, расположенных на территории Ростовской области, принадлежит г. Азов. История Азова, сохранившиеся в нем историко-архитектурные и другие памятники (земляные валы, крепостные ворота, пороховой погреб) ежегодно привлекают в Азов многие тысячи советских туристов и экскурсантов. В помощь им (а также и в помощь школе) и выпускается эта брошюра, рассказывающая об одном из важнейших вопросов истории Азова — азовских походах Петра I.

В истории русского государства эпоха Петра I характеризуется серьезными преобразованиями внутренней жизни нашей родины, ростом производительных сил страны, крупными успехами внешней политики.

Петр I взошел на престол царем Московского государства, а умер, нося звание императора, стоявшего во главе обширной Российской империи, одной из сильнейших европейских держав, чьи владения простирались от Балтийского моря до Тихого океана.

Настойчивый, глубоко преданный интересам русского национального государства, Петр I не случайно вошел в историю, как один из выдающихся патриотов своего времени. Образ Петра — патриота отечества глубоко запечатлелся в сознании последующих поколений [1].

П. Чаадаев, например, писал о себе, что он «любит свое отечество, как Петр Великий научил его любить». Н. Г. Чернышевский указывал, что «русский должен быть патриотом в том смысле, в каком им был Петр Великий». Оба они—и Чаадаев и Чернышевский — видели положительные черты Петра I прежде всего в том, что Петр активно боролся против косности, отсталости и рутины, боролся за европеизацию России.

[1] Ср. очерк историографии военно-бюрократической империи Петра I в кн. «История СССР», т. I, Соцэкгиз, М., 1939 (автор очерка — В. И. Лебедев).

Чернышевский же отмечал «страстное, беспредельное желание благ родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека». Даже те, кто, подобно сторонникам самобытности России — славянофилам (К. С. Аксакову и др.), упрекали Петра в том, что своими реформами он, якобы, отрывал Русь от «родных источников жизни», и те признавали крупнейшее значение личности Петра I.

Протестуя против тяжелого гнета и эксплоатации трудящихся при Петре I, осуждая рост различных повинностей, народ в своих песнях, сказаниях и преданиях отдавал, вместе с тем, должную и высокую дань военному гению Петра.

Советский читатель в своей оценке Петра I исходит прежде всего из марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории и тех блестящих и исчерпывающих характеристик личности и деятельности Петра, какие даны в трудах Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Классики марксизма неоднократно указывали на выдающуюся роль личности Петра I. Фридрих Энгельс, один из основоположников научного социализма, называл Петра I «действительно великим человеком»[1].

Ключом к правильному пониманию Петра I, как государственного деятеля, является характеристика Петра, данная товарищем Сталиным в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих клас-

[1] Фр. Энгельс — «Внешняя политика русского царизма», (Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 12).

сов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»[1].

Классическая формулировка сущности петровских реформ дана также В. И. Лениным. «Петр, — писал Ленин, — ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»[2]. Эта ленинская формулировка исходит из метких высказываний о Петре гениального основоположника научного социализма Карла Маркса. «Петр великий, — говорит Маркс в своей «Секретной дипломатии», — должен был цивилизовать Россию». Петр «варварством победил русское варварство»[3].

* * *

Походы Петра I на турецкий Азов в 1695 и 1696 гг. (так называемые азовские походы) представляют собой существенное звено в цепи тех начинаний, которые Петр проводил столь энергично и настойчиво.

Азовские походы, предпринятые Петром в первые же годы его царствования, открывают собой важные страницы военной истории русского государства, чрезвычайно красочно показывают, как в сражениях и битвах росла и крепла наша армия, как впервые созидался и получал боевое крещение русский военный флот, знамена которого уже в годы Петра I были покрыты неувядаемой славой громких побед.

---

[1] И. Сталин — «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом в декабре 1931 г.», Журнал «Большевик», М., 1932, № 8 (также отдельные издания).

[2] В. И. Ленин — «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности», Сбор. соч., т. XXII, 1935, стр. 517.

[3] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. I. стр. 29.

Взятие Азова представляет собой, далее, немаловажный этап в процессе укрепления и расширения границ русского государства, овладения морскими выходами, закрепления владычества России на юге.

История азовских походов — первый крупный шаг Петра в его внешней политике.

Условия, в которых находилась в конце XVII в. Россия, поставили перед Петром, с первых же дней его царствования, ряд важнейших задач внешней политики. Никакие внутренние реформы сами по себе еще не дали бы возможности нормального развития производительных сил страны при наличии оторванности России от Балтийского моря, от Черного моря с его незамерзающими портами и т. д.

«...Ни одна великая нация, — указывал Карл Маркс, — не находилась в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого. Никто не мог себе представить великой нации, оторванной от морского побережья»[1].

В свою очередь, успешное осуществление внешней политики настоятельно требовало создания постоянных и мощных армии и флота, хорошо обученных и вооруженных.

К началу же царствования Петра в России постоянной армии по существу и не было. Стрелецкие полки отличались плохой выучкой. Вооружение стрельцов было тяжелым и устаревшим. Еще хуже обстояло дело с периодически созывавшимся ополчением. Даже полки иноземного строя и те после месячных сборов распускались по домам. В итоге

---

[1] Карл Маркс — «Секретная дипломатия XVIII века» (ср. «История СССР», т. I, Соцэкгиз, М., 1939, стр. 596). Marx K.— „Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century", London, 1899.

о регулярной русской армии говорить почти не приходилось. Военного флота Россия не имела совсем[1].

Отсутствие централизованного снабжения армии, отечественной технической базы (текстильная, металлургическая и другие отрасли промышленности были развиты в России слабо), бездорожье делали русскую армию еще более слабой, особенно по мере того, как росла техника, в частности, военная техника, в соседних с Россией странах. Россия стояла перед прямой и острой угрозой превратиться в колонию или полуколонию более сильного государства Западной Европы.

Основная историческая заслуга Петра I и состоит в том, что он, хорошо сознавая причины, тормозившие дальнейшее развитие русского государства, со свойственной ему решительностью и настойчивостью осуществил широкий комплекс различных мероприятий, позволивших России продвинуться вперед и занять свое место среди сильнейших европейских держав.

Международная обстановка конца XVII в. грозила большими опасностями России.

Верное своей захватнической политике, шведское дворянство подготавливало новую войну против Московского государства. Швеция являлась тогда могучей державой с населением в 3 миллиона человек и первоклассной армией, при помощи которой Швеция захватила в начале XVII в. русское побережье Балтийского моря.

---

[1] Ср. Д. Ф. Масловский — «Поместные войска русской армии в XVII ст.», СПБ, 1890 г.; И. Д. Беляев — «О русском войске при Михаиле Федоровиче и от последнего до Петра Великого» М., 1846; Н. Устрялов — «Русское войско перед Петром Великим» СПБ, 1856; П. Небольсин — «Русские солдаты и другие военные чины до Петра Великого» и др.

В западной Европе шла усиленная подготовка к войне за так называемое испанское наследство, фактически же — за гегемонию в Европе. Лихорадочно вооружались Англия, Франция, Австрия, Голландия и другие государства Западной Европы.

Следуя традиционной привычке «загребать жар чужими руками», английские дипломаты неутомимо плели сеть интриг и подвохов, стремясь натравить отдельные государства друг на друга. На войну между Швецией и Россией Англия смотрела как на средство, с одной стороны, обессилить Швецию в экономическом и военном отношениях, с другой — задержать быстрое экономическое и политическое развитие России. Англии хотелось, чтобы Россия была зависимой полуколониальной страной. Англия двурушничала: она то предоставляла кредиты Швеции и обещала ей свой флот для борьбы против России, то предлагала России планы совместных действий против Швеции.

Кстати сказать, проект интервенции в дела России был выдвинут в Англии еще на заре ее капиталистического развития, неким капитаном Чемберленом при короле Якове I. Русский историк И. Любименко разыскал в Британском музее записку от 14 апреля 1613 г. с весьма характерным названием: «Проект касательно Московии, северная часть которой предложена протекторату короля»[1].

Предпринимая походы на турецкий Азов, Петр ставил своей задачей пробить дорогу России к Черному морю, превратить его в внутреннее русское море. Тем самым была бы выполнена и задача обороны южных границ русского государства от непрестанных набегов со стороны крымских татар и других.

[1] Ср. Н. Павленко и И. Паротькин — «Традиционная политика поджигателей войны», «Военно-исторический журнал», М., 1940, № 2.

Взятие Азова еще не решало бы, конечно, задачу овладения побережьем Черного моря, находившимся тогда в руках турок, но Азов мог стать, по мысли Петра, основным опорным пунктом для дальнейших боевых действий против турок на северном побережье Черного моря.

* * *

«Петр Великий с самого начала разбил все традиции славянского племени. «России нужна вода». Эти слова, с которыми он обратился к князю Кантемиру (молдавскому государю, переселившемуся в Россию в 1711 г.), явились девизом всей его жизни. Завоевание Азовского моря было целью его первой войны с Турцией... Для системы местных захватов достаточно было суши, для системы мировых наступлений понадобилась вода»[1].

Осуществляя поход на Азов, Петр I вступал тем самым в войну с Турцией, которая тогда представляла собой крупную военную державу.

По овладении Константинополем (1453 г.) Османская империя стала одним из могущественнейших государств мира. Турки вели завоевательные войны в Европе, Азии и Африке, стремились подорвать венецианскую и генуэзскую торговлю на Востоке. В 1526—1566 гг. они покорили значительную часть Венгрии, угрожали Германии. Турецкие паши управляли целыми королевствами, знамена Турции развевались от Каира до Тавриза и от Багдада до Вены.

Турция располагала многочисленной и сильной армией. «Малая Азия и Армения, в которых турки главным образом жили в продолжение четырехсот

---

[1] Карл Маркс — «Секретная дипломатия XVIII в.» (цит. по кн. «История СССР», т. I, М., 1939, стр. 622).

лет, образуют резервуар, из которого всегда почерпался материал для турецких армий»[1].

Государство османов являлось, по словам Маркса, «единственной подлинной военной державой средневековья»[2].

Начало владычества турок в северном Причерноморье и в Приазовье следует отнести к концу третьей, началу последней четверти XV в. Приазовьем турки овладели, насколько можно судить по имеющимся указаниям, в 1471 г. и в следующие годы.

Военное могущество турок достигло своего предельного расцвета в царствование султана Сулеймана II (1520—1566 гг.). Однако, уже в это время внутренний распад военно-феодальной системы, в сочетании с упадком в XVI в. средиземноморской и черноморской торговли, начал быстро ослаблять мощь Османской империи.

С середины XVI в. Турция начинает все более усиливать свое наступление на Восток, в сторону Польши, Украины и земель бассейна Азовского и Каспийского морей. Интересы Турции вплотную сталкиваются с интересами Персии (Ирана) и Московского государства.

Азов оставался при этом основным оплотом турецкого могущества на юго-востоке Европы. Через Азов шла торговля не только всей юго-восточной Европы, но также России и Средней Азии.

Турция, несомненно, еще более активизировала бы свои наступательные действия против Москов-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс—«Национальности в Турции.» Соч., т. IX, М., 1933, стр. 373.

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. VI, Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1939, стр. 189 (2-я тетрадь «Хронологических выписок» Маркса).

ского государства, если бы в XVII в. она не была вовлечена в жестокую борьбу с Австрией, Венецией и другими государствами. В 1676 г. турки все же вынудили Польшу заключить с ними мир. За Турцией осталось Подолье. Гетман Дорошенко являлся вассалом Турции, а тем самым турки закрепляли свое влияние на Украине.

В 1676—1681 гг. между Москвой и Турцией идет упорная борьба за правобережную Украину. Украинский народ активно поддерживает Москву в ее действиях против вассала Турции — гетмана Дорошенко. Последний признал власть Москвы, но вскоре турецкие войска вновь заняли часть украинской территории. Гетманом был провозглашен турецкий ставленник Юрий Хмельницкий. Турки опустошили территорию между Киевом и Чигирином. Украинское население этих земель было вынуждено переселиться на московскую сторону. Однако, это были уже последние успехи Турции. В 1683 г. началась новая австро-турецкая война. Турки осадили столицу Австрии — Вену, но, потеряв множество людей убитыми и пленными, были разбиты под Веной.

Турция стояла перед крахом своего былого могущества. «Организация Турецкой империи уже находилась в то время в процессе разложения и... эпоха быстрого упадка оттоманского могущества и величия началась еще ранее»[1].

«Захват имеет повсюду очень скоро конец, а когда уже нечего больше захватывать, то надо производить»[2].

В этих замечательных словах Маркса и Энгельса дано основное объяснение и причин упадка бы-

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 61.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 248.

лого могущества Османской империи как типичного военно-феодального государства. Внутри страны феодалы жестоко эксплоатировали крестьянство, причем феодальные отношения все более и более принимали застойную форму.

Захватывая огромные земли в разных странах (Европа, Азия, Африка), Турция заботилась лишь о том, чтобы получить наибольшую дань, контрибуцию, налоги, всюду оставляя в силе существование того же старого способа производства. Широкий приток изделий иностранной промышленности вел к упадку и сокращению собственно турецкой торговли и искусственно тормозил развитие национальных кустарных ремесел. В результате создавались условия, препятствовавшие нормальному росту производительных сил страны.

Турецкое военно-феодальное общество не представляло собой экономически прогрессивного общества. Застойность феодализма привела к его загниванию. Политическая власть ослабевала, росло ростовщичество, взяточничество, налоги. Между султаном и феодальной аристократией углублялись противоречия, начиналась упорная борьба.

Однако, Турция еще продолжала располагать мощной армией и достаточными ресурсами для борьбы с Россией. Перед Петром I стоял хотя и поколебленный в своем могуществе, но попрежнему грозный и все еще весьма сильный противник.

Следует заметить, что южные границы русского государства в тот период находились в состоянии непрестанной угрозы нападения. Такие окраинные русские города, как Белгород, Тамбов, Козлов, Воронеж, Харьков, Валуйки и др. представляли собой обнесенные рвом и валом укрепленные поселения, стрелецкий и казачий гарнизоны которых каждый день могли ожидать появления врага. Набеги на

южные границы русского государства со стороны крымских и кубанских татар, ногайцев и др. были весьма частыми. За спиной тех же крымских татар стояло мощное турецкое государство. Турецкие крепости располагались в низовьях Днепра и Дона.

Азов, в частности, представлял собой сильную крепость. После 1637—1641 гг. (взятие донскими казаками Азова и героическая оборона его от огромных сил турок, — так называемое Азовское сиденье)[1], Азов был возвращен турками и азовская крепость была укреплена еще более. Над восстановлением и усилением крепостных сооружений работало множество людей. Примерно в трех верстах от азовской крепости на одном и другом берегах Дона турками были возведены две каменные «каланчи», а на северном притоке Дона, так называемом Мертвом Донце, было построено каменное укрепление (замок) Лютик. Таким образом Азову была придана сеть вспомогательных укреплений. Попрежнему турецкий флот всегда имел возможность подать азовской крепости помощь со стороны моря.

Поход на Азов Петр продумывал тщательно. Внимательно изучал он доклады посольских дьяков и только после того, как убедился в своевременности похода, последний был предпринят.

По старому московскому обычаю было решено тщательно замаскировать главный удар на Азов путем демонстративных маневров. Делалось все для того, чтобы создать впечатление, что поход 1695 г. имеет своей главной целью отнюдь не взятие Азова, а удар на Крым. Весной 1695 г. с этой целью на Крым были двинуты дворянская конница и украинские казаки. Петр предписывал военачаль-

---

[1] О нем см. Б. В. Лунин — «Азовское сиденье», «Страницы из истории Донского казачества», Школьная библиотечка. Ростоблиздат, Р. н/Д., 1939.

никам держать азовский поход в строгой тайне. О том же было указано атаману донских казаков.

План похода на Азов был утвержден 6 февраля 1695 г. военным советом на Пушечном дворе[1]. В то время, как дворянская конница и украинские казаки под водительством боярина Б. П. Шереметьева пошли к низовьям Днепра, на Азов были направлены полки регулярного строя: Преображенский, Семеновский, Бутырский и Лефортов[2]. Им в помощь были приданы также московские стрельцы, городовые солдаты и др., всего 31 000 человек, из которых лишь 14 000 человек были обучены и организованы по типу западно-европейских войск, а другие представляли собой обычное русское феодальное ополчение.

Во главе азовской армии была поставлена «консилия» (военный совет) из трех генералов: А. М. Головина, Ф. Я. Лефорта и П. И. Гордона, каждый из которых командовал дивизией.

Все трое были близкими соратниками Петра в создании русской армии. Головин в молодые годы Петра был его комнатным стольником, а затем активно участвовал в создании регулярной русской армии, за что был пожалован в генералы.

Лефорт (1656—1699 гг.) родился в Женеве, в семье купца. В 1675 г. поступил на службу в Рос-

[1] Даты приводятся по старому стилю.

[2] Преображенский и Семеновский полки в армии Петра I были созданы на основе потешных. Именно перед азовским походом 1695 г. было проведено переформирование потешных в Преображенский и Семеновский полки («Потешные Преображенские» из подмосковного Преображенского села и «Потешные Семеновские» из села Семеновского). В селе Преображенском находился Потешный дворец, откуда и название потешных, появившихся в 1683 г., т. е. еще в годы малолетства Петра. Бутырский и Лефортовский «выборные» московские полки, состояли из особо отобранных (по выбору) стрельцов.

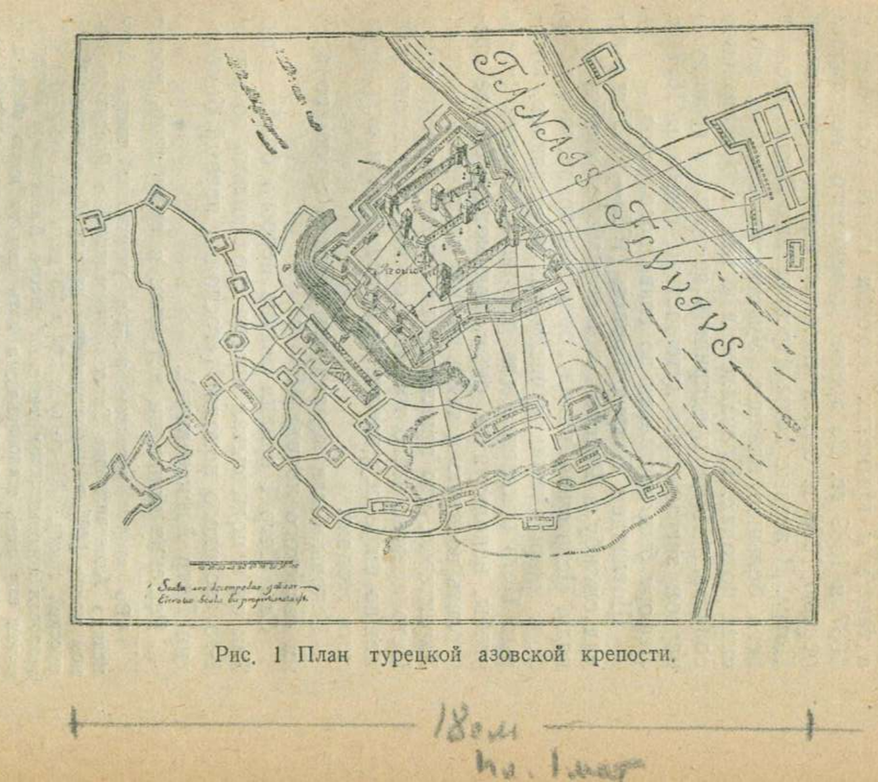

Рис. 1 План турецкой азовской крепости.

сию, принимал затем участие в борьбе с татарами, а также в крымских походах князя Голицына в 1687 и 1689 гг. Во время дворцового переворота осенью 1688 г. был в числе активных сторонников Петра. В первые годы царствования Петра имел на него большое влияние. Участвовал в обоих азовских походах. Принадлежал к тем, кто настойчиво советовал Петру предпринять поездку за границу. В первом заграничном путешествии Петра в 1697 г. Лефорт был поставлен во главе посольства.

Шотландец Патрик Гордон (1635—1699 гг.) начал службу в России в чине майора еще в 1661 году. Петр очень ценил Гордона. Гордон, как и Лефорт, принадлежал к числу тех иностранцев, которых Петр привлекал для работы в России с тем, чтобы, используя их опыт, как можно скорее преодолеть военную и техническую отсталость России. Характерно, что приглашая на службу иностранцев, Петр прежде всего требовал от них, чтобы они как можно шире передавали свои познания и опыт русским людям[1].

Таковы были командиры русской армии во время азовского похода 1695 г.

Сам Петр I принял звание первого бомбардира. Так он и подписывал иногда свои письма во время 1-го азовского похода («господин первый бомбардир Петр Алексеевич»).

Решения консилии вступали в силу лишь после

[1] Во втором азовском походе участвовал также Александр Александрович Гордон, приехавший в Россию в самом конце 1695 г. и поступивший на службу в чине майора русской армии. «204-го февраля в 28 день вел. государь пожаловал нововыезжаго иноземца маеора Александра Гордона, велел ему дать жалованья... а дать ему ту дачю ныне для того, что быть ему на ево великого государя службе под Азовым» («Приложение к дневнику Гордона», стр. 237—241) А. А. Гордон был потом вторым мужем старшей дочери генерала Патрика (Петра) Гордона.

согласия «бомбардира Преображенского полка Петра Алексеева».

На военном совете в Пушечном дворе было постановлено, чтобы дивизии Головина и Лефорта шли на судах по Москва-реке, Оке и Волге до Царицына, а оттуда сухим путем до Паншина, после чего дивизии вновь должны были следовать на судах по Дону к центру донского низового казачества — городу Черкасску. Дивизия же Гордона должна была сконцентрироваться в Воронеже и оттуда в качестве авангарда плыть по Дону до Черкасска, соединиться там с силами донских казаков и приступить к осаде Азова. Предусматривалась, в частности, блокада крепости войсками Гордона с тем, чтобы крепость не могла получить каких-либо подкреплений людьми и припасами.

Для создания продовольственной базы русской армии в Паншине Большая казна выдала свыше 30 000 руб. московским гостям (крупным купцам) Горезину, Воронину и Ушакову, которые обязались заготовить съестные припасы: 45 тыс. ведер уксуса, 45 тыс. ведер вина, 10 тыс. пуд. ветчины, 250 пуд. коровьего масла, 8 тыс. пуд. соли, десятки тысяч осетров, щук, судаков, лещей и другой рыбы и т. д.

В составе Гордоновских войск находился Бутырский полк, 4 полка тамбовских солдат, 7 полков московских стрельцов. Из Москвы и Брянска была доставлена артиллерия: 10 мортир, 12 дробовиков, 31 фальконет, порох, ядра, гранаты.

В конце апреля 1695 г. войска Гордона вышли в качестве авангарда русской армии из Тамбова. По пути войска встречали немало трудностей. Так, Гордон жаловался на леность, непослушание и нерасторопность стрельцов, на которых была возложена постройка моста для перехода войск через

реку Северский Донец. Путь войск Гордона от Тамбова до Черкасска потребовал 2 месяца вместо намеченного срока в 3 недели.

Вблизи Раздорского городка Гордона встретил атаман донских казаков Фрол Минаев, который, вместе с казачьими старшинами, рекомендовал Гордону воздержаться от появления под стенами Азовской крепости до прибытия всего состава русской армии. Однако Гордон не счел возможным нарушить указания Петра и потому отклонил предложение атамана и старшин. Было договорено, что донские казаки присоединятся к войскам Гордона.

Говоря о донских казаках и их участии в азовских походах, надо упомянуть об отношениях между центральным русским правительством и донским казачеством.

С одной стороны, поход на турецкий Азов был для казаков желанным. Борьба за Азов вошла в историю казачества. Из-за обладания Азовом велась длительная борьба между казаками и турками (взятие казаками Азова в 1637 г., героическая оборона его от турок в 1641 г., закончившаяся победой казаков, оставивших, однако, Азов в 1642—43 гг. из-за отказа московского правительства помочь казакам в борьбе с турками). Турецкий Азов препятствовал свободному выходу донских казаков по Дону в Азовское и Черное моря. Турецкие власти к тому же поощряли татар, ногайцев и других на военные действия против русских, в том числе против донских казаков.

В этом отношении, повторяем, поход русской армии на Азов встретил в донском казачестве сочувственное отношение, что и нашло свое прямое отражение, прежде всего, в смелых действиях донских казаков против турок во время азовских походов Петра.

Не случайно, например, старинная донская казачья песня так рассказывает о получении на Дону известий о сборах Петра в поход на Азов:

«Не ясен сокол летал по поднебесью,
Донской есаул бегал по Дону,
Казаков-то он речью приветствовал:
Вы вставайте, добры молодцы,
Вы вставайте, други, пробудитесь,
Борзых коней, други, вы седлайте,
Под Азов-город, други, поезжайте.
Ой, мы город разорим с головы до ног,
Много казны возьмем, много золота:
Сам сизой орел пробуждается,
Сам Петро царь подымается
Со своими князьями, боярами,
Со своими донцами, со своими запорожцами»[1].

С другой стороны, появление на Дону царской армии во главе с самим Петром вызывало в широких массах казачества настороженность, опасения. Московское правительство как бы протягивало свою руку к Дону. Как раз в конце XVII в. бегство крепостных крестьян на Дон приняло повальный характер. На Дон уходили многие тысячи людей, заставляя помещиков испытывать порою острый недостаток в рабочих руках.

В одном из указов князя В. В. Голицына, относящемся к 80-м гг. XVII в., отмечается значительное возрастание населения в казачьих городках по верхнему течению Дона: «Не в давних летах было человек по 20 и по 15», а стало: «в тех городках... человек по 200 и по 300...».

В 1672 г. по пути от Москвы до Черкасска было учтено 48 казачьих городков, а в 1692 г. по течению Дона и его притоков располагалось уже не менее 123 городков.

[1] А. М. Савельев (сост.) — «Сборник донских народных песен», изд. Обл. войска Донского статист. комитета, СПБ, 1866.

Казаки во второй половине XVII в. явно распадались на две части: зажиточное («дюжие», «старожилые», «домовитые» казаки, жившие преимущественно в низовьях Дона) и «голутвенное» — голытьбу (населявшее, главным образом, городки по верхнему течению Дона). В среде самого казачества кипела острая классовая борьба.

Казачьи городки по верхнему течению Дона были переполнены недавними беглыми крестьянами, стрельцами, солдатами, работными и мелкими посадскими людьми. Все они еще совсем недавно влачили на себе ярмо крепостной неволи, административного произвола, многочисленных и непосильных повинностей. Казачья голытьба вместе с вновь приходящим крестьянским населением, беглыми стрельцами, солдатами, раскольниками и другими, попрежнему (как и в дни восстания Степана Разина в 1670—1671 гг.) представляла собой огромную массу недовольных, готовых каждую минуту, в союзе с угнетенными крестьянами, выступить с оружием против «диктатуры крепостников» (Ленин).

Московское правительство все это время вело борьбу за ликвидацию относительной независимости и самостоятельности донского казачества, делая при этом ставку на верхи казачества, которые все более и более становились опорой и агентурой царизма на Дону. Однако и во взаимоотношениях казачьей верхушки с царским правительством также были свои «трещины», свои трения. Экономическое преуспевание «дюжих» казаков в немалой степени зависело от особенностей жизни казачества на Дону, более или менее независимой от политики Москвы. Казачество самостоятельно сносилось с Азовом, Крымом, Турцией, Персией, калмыками, ногайцами и др. Казачество, принимая на Дон беглых, не выдавало их обратно («с Дону выдачи

нет»). Попытки московского правительства ограничить эти «вольности» донского казачества, встречали отрицательное отношение, а порой и противодействие со стороны не только «голытьбы», но и зажиточных верхов казачества[1]. В своих спорах с Москвой низовые казаки не раз угрожали уйти всей массой с Дона и таким образом обнажить южные границы Московского государства для удара со стороны турок, татар и др.[2]

Мероприятия царского правительства по сыску и возврату беглых усиливали напряженность взаимоотношений между Москвой и Доном.

Для успешного колонизационного продвижения на юго-восток, расширения и укрепления южного помещичьего землевладения царизму нужно было ликвидировать «самостоятельность» Дона.

Несомненно, Петр, направляя удар на Азов, рассчитывал и на то, что падение турецкого Азова и вхождение Придонья — Приазовья в состав территории Московского государства сильно поможет ликвидации «независимости» войска Донского.

Очень показателен в этом отношении следующий факт: спустя несколько лет после азовских походов (в 1699 г.) в период переговоров с Турцией о мире, московские дипломаты, отстаивая закрепление Азова за Россией, говорили, в частности, что «когда Азов, Казыкермень и другие крепости будут в русском владении, то своевольные люди обоих го-

[1] Ср. Н. С. Чаев и К. М. Бибикова — «Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания (1707—1708 гг.).» «Труды» Историко-археографического института Академии Наук СССР, т. XIII, Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Москва, 1935.

[2] Донские казаки являлись как бы буфером между Московским (русским) государством с одной стороны, Турцией и крымским ханством — с другой.

сударств уймутся; эти крепости великий государь (Петр) не для какой-нибудь себе славы с своей стороны держать изволяет, но только для унятия с обеих сторон своевольных людей» и что «если на время мира казаки пойдут войною на турецкие и крымские места, то вольно побивать их как злодеев; а когда из походу возвратятся, то по царскому указу учинена им будет смертная казнь...»[1].

Известно, что политика Петра в отношении донского казачества примерно через какое-нибудь десятилетие по окончании азовских походов вызвала крупнейшее восстание казаков и крестьян под руководством Кондратия Булавина (1707—1708 гг.). Анализируя взаимоотношения Москвы и Дона в период азовских походов и действия Петра по адресу казачества, некоторые историки стоят на той точке зрения, что именно «время покорения Азова Петром I следует признать концом самостоятельного существования вольного войска Донского и началом фактического его слияния с государством в политическом смысле» (Норов и др.).

В связи с сказанным о взаимоотношениях Москвы и Дона отнюдь не случайно, что в азовских походах Петра принимала участие лишь определенная часть донского казачества, в общем не столь многочисленная, наиболее обученная и привычная к военным походам, — очевидно преимущественно та, которая территориально принадлежала к казачеству, жившему в низовьях Дона («нижнее большое войско») или была с ним так или иначе связана, зависела от него.

Следует добавить, что по взятии Петром Азова казачество, не исключая и верхушки его, действи-

---

[1] Цитируем по С. М. Соловьеву — «История России с древнейших времен», кн. 3, т. XI—XV. Изд-во «Общественная польза», СПБ, т. XIV, ст. 1232.

тельно очень скоро почувствовало на себе тяжелую руку Петра.

В тех же донских народных песнях казаки уже иначе реагируют на взятие Азова и даже в уста самого атамана донских казаков Флора Минаева вкладываются слова горечи и недоумения:

«Приуныли на Дону донские казаки,
Что взял у них государь царь город,
Со тремя с теми со малыми пригородками,
А и со славною со Кубаньей, с крепким Лютиком.
Становились молодцы во единый круг,
Среди круга стоит войсковой атаман,
А по имени ли Фрол сын Минаевич.
Атаман речи говорил:...
— А и вы, братцы, казаки, яицкие, донские, запорожские,
Пособите мне, атаману, вы думу думати,
Челобитну ли нам писати, государю подавати?
Самому ли мне, атаману, в Москву ехати?
Перемирье бы нам взять перед самим царем:
Залегли пути-дороги за сине-море гулять».[1]

Возвратимся к рассказу о движении отрядов генерала Гордона к Азову, после встречи Гордона с Фролом Минаевым.

Обстановка для гордоновских войск складывалась трудная. Когда Минаев рекомендовал воздержаться от немедленной осады Азова, он учитывал, в частности, что под Азовом неприятель сосредоточил значительные силы конницы. Под Азовом стояла и многочисленная турецкая флотилия.

Эти же сведения дошли до Гордона и тогда, когда он перешел на левую сторону Дона и переправился через Маныч. На созванном Гордоном военном совете ряд офицеров также высказался за то, что следует воздержаться от выхода под Азов. Однако и на этот раз, не решаясь нарушить принятый план, Гордон отдал приказ итти вперед.

---

[1] А. М. Савельев — «Сборник донских народных песен», СПБ, 1866.

Около Черкасска Гордону был доставлен Грек, захваченный донскими казаками. При допросе пленный показал, что «в январе месяце был он в Азове по торговым делам: тогда гарнизон состоял из 3 000 человек; в марте месяце Муртоза-паша привел 1 000 человек; а через неделю пришли из Кафы четыре корабля с 2 000; из Константинополя ждут еще 3 кораблей и 10 фуркат с войском, снарядами и продовольствием. С самого начала весны Турки укрепляли Азов: вычистили рвы, одели каменную стену дерном, поставили батареи; главнокомандующим в городе Муртоза-паша, по нем Мустафа-бей» (Дневник Гордона; 21-VI-1695 г.).

Если даже у Гордона после этих показаний могли возникнуть какие-либо колебания о порядке дальнейших действий, то все сомнения отпали после того, как 24 июня Гордон получил письмо Петра.

Петр писал:

«Min Her Generai:

Вчерашнего дня уведомеся мы о переправе вашей через Дон от казаков из Черкасского на Голубые коньми, а з Голубых на Паншин водою едущих, где и, встретеся с нами, оное сказали. И того ради господин наш генерал приказал мне писать к вашей чесности, чтобы изволили, осмотря место, паче же пристань удобнейшую, где бы лутче и безопаснеи людем, паче же алтиллерии, которой о величестве сам ведаеш, для которого дела удобно есть, дабы оное описаф и с нарочетым человеком (в) встречу нам прислать, да бы через письмо, такожде и через слова посланного удобнои в том деле выразумеф, и ступать могли. А мы идем Доном с великим поспешением днем и ночью.

Июня в 21 день 1695. Piter»[1]

* * *

Перейдя реку Батай, Гордон при впадении Койсуга в Дон на Митишевой пристани нашел место,

---

[1] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I (1668 — 1701) СПБ., 1887, стр. 33—34.

удобное для выгрузки артиллерии и припасов, которые должны были прибыть с основными силами русской армии. В этом пункте Гордон оставил отряд стрельцов для сооружения укрепления, сам же двинулся за реку Скопинку под Азов, куда и прибыл 27 июня 1695 г.

После первых же выстрелов русских, турки немедленно открыли стрельбу по предместьям крепости для уничтожения деревянных строений, которые могли помешать защите крепости. Всколыхнулось пламя пожара, который и уничтожил эти строения.

Тем временем, спустя три дня после того, как из Тамбова в качестве авангарда русской армии вышли войска Гордона, из Москвы тронулись в путь и главные силы армии, под командованием Головина и Лефорта.

Петр в связи с этим в письме на имя Ф. М. Апраксина[1] от 16 апреля 1695 г. писал:

«Понеже ведает ваша милость, что какими трудами нынешней осенью под Кожуховым чрез пять недель в Марсовой[2] потехе были, которая игра, хотя в ту пору, как она была, и ничего не было на разуме больше, однакож после совершения оной зачалось иное, и преднее дело явилось яко предвестником дела, о котором сам можешь разсудить, коликих трудов и тщания оное требует, о чем, естьли живы будем,

---

[1] Граф Федор Матвеевич Апраксин (1671 — 1723). Близкий сподвижник Петра. Генерал-адмирал русского флота. С 1700 и по 1706 г. был азовским губернатором. Осуществил постройку Таганрога с гаванью для военных судов и крепостью Троицкой в устьях реки Миуса. Он же выстроил Павловскую крепость. Стоял во главе судостроения в Воронеже. В начале 1711 г. в связи с новой войной в Турции был опять командирован в Азов и затем возглавлял работу по возвращению, согласно договору с Турцией, Азова туркам и разрушению Таганрога.

[2] Марс — бог войны у древних греков. Марсова потеха — военная потеха.

вперед писать будем. С Москвы на службу под Азов, по их пресветлейшества указу, пойдем сего ж месяца 18 числа»[1]...

Выступали войска Головина и Лефорта из села Преображенского. Во главе колонны войск шел генерал Головин, за ним Преображенский полк, впереди которого шла бомбардирская рота во главе с бомбардиром Петром Алексеевым.

7 июня 1695 г. войска Головина и Лефорта высадились в Царицыне и пошли степью в направлении к городку Паншину. Переход был тяжел. Лошадей нехватало. Утомленные долгой греблею при плохой погоде солдаты везли теперь на себе артиллерийские орудия, снаряды и снаряжение.

Ожидавшихся продовольственных запасов в Паншине полностью не оказалось. Многое отсутствовало. В частности среди заготовленного продовольствия совсем не было соли. В письме на имя Петра по этому поводу сообщалось следующее:

«Господин Бомбардир. Печаль нам слезная из-за воров подрядчиков, что от непоставки их тебе, милостивому нашему, печаль, а ратным людем оскудение в пищи» (цит. по Устрялову, т. II, стр. 230—231).

Тем не менее суда для доставки армии по Дону были готовы, и 19 июня армия двинулась по Дону вниз.

В путевом журнале («Юрнал в путном шествии») читаем, как шло продвижение по Дону (этот путевой журнал содержит много интересных данных и о казачьих городках, их местоположении и виде):

«В 19 день. В 12 часу Доном пошли в путь и проехали городок Паншин, — стоит на острову на правой стороне; в 7 часу был дождь; во 2 часу ночи проехали городок Голубые, — стоит на нагорной стороне на берегу на ровном месте, огорожен тыном.

В 20 день. В 12 часу в полы проехали городок Пять-

---

[1] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I (1668—1701), СПБ, 1887, стр. 28—29.

изб, огорожен тыном; стоит тот городок на берегу на ровном месте; в 10 часу проехали городок Верхний Чир, — стоит на правой стороне, на берегу, на ровном месте. День был тих; в ночи в 1 часу проехали городок Нижний Чир, так же стоит, как Верхний Чир.

В 21 день. В 6 часу проехали городок, прозванием Кобыльский, на правой стороне, — стоит на берегу на ровном месте; той ночи в 10 часу проехали городок Есаулов, стоит так же, как стоят общие городки; во 2 часу после полуночи проехали городок Зимовейский.

В 22 день. В 9 часу проехали городок, прозванием Курман-Яр: стоит на берегу на ровном месте, на нагорной стороне, тыном огорожен, против его речка, Саксай прозванием, на левой стороне из Дону впала в степь; во 2 часу после полдень проехали городок Нагай; в 8 часу после полдень проехали городок Нижний Курман-Яр, стоят на берегу на ровном месте. Той ночи проехали городок Нагавкин, стоит на берегу на ровном месте; городок Филиппов, стоит на левой стороне; на утренней заре проехали городок Терновый.

В 23 день. Проехали в 8 часу городок Цымла, да речку Цымла впала в Дон с правой стороны; в 3 часу после полдень проехали городок, прозванием Кумсак, огорожен плетнем и плетеные башенки; в 5 часу проехали городок Камшай, стоит на острову; городок Романовский, стоит на берегу; в 8 часу проехали Каргалас; в 10 часу проехали городок Камышенок, стоят на ровных местах и на берегу; в 8 часу проехали городок Быстрец; в 9 часу проехали Нижний Каргалас на левой стороне, стоит на берегу на ровных местах, близь берегу.

В 24 день. В 7 часу проехали городок Михалев на левой стороне; в 10 часу проехали городок Нижний Михалев, огорожен дрязгом; в 1 часу после полдень проехали городок Троилин Вал, обведен землею, на правой стороне стоит; в 7 часу после полдень проехали городок Кагальник, стоит на острову на ровном месте, огорожен тыном на левой стороне; против его с правой стороны впала речка в Дон, прозвание Кагальник; в 8 часу проехали городок Ведерники, стоит на правой стороне на острову; той ночи проехали городок Бабей (Бабий), стоит на острову на левой стороне, да городок Золотой, стоит на островуж, на левой стороне, да городок Кочетов. День и ночь тихи.

В 25 день. В 3 часу дни проехали городок Семи-Корокоры, стоит на левой стороне; в 12 часу проехали городок Раздоры, на правой стороне; в 3 часу проехали городок

Мелехов, не доехав реки, прозвание Аксай, впала в Дон; в 7 часу вполы проехали городок Берсенев, стоит на берегу на ровном месте; в 8 часу проехали городок Багаев, на правой стороне, стоит на берегу; в 1 часу после полуночи проехали городок Бечегай; в 5 часу проехали к Черкасскому городу и стали на якоре, неподалеку от него, и караван весь собрался. Город Черкасский стоит на берегу, на правой стороне реки Дону, обрублен дубовым срубом и сделаны три раската, и те стороны плетнем.

В 26 день. Стояли у города Черкасского, весь караван. Ночевали. День и ночь были тихи.

В 27 день. Стояли у города весь караван и ночевали. День и ночь были тихи»[1].

По прибытии войск в Черкасск была сделана остановка здесь на три дня, — необходимо было дать отдых участникам похода, а заодно собрать сведения и подготовиться к военным действиям. Поздно вечером 28 июня двинулись дальше к Азову; стояла темная ночь. 29 июня русские войска уже высаживались в устьях Койсуга.

Вечером 29 июня 1695 г. Петр, совместно с Лефортом и Головиным, посетил лагерь Гордона.

На военном совете 30 июня Петр, используя план окрестностей Азова, указал, где именно должны быть расположены войска Гордона (центр), Головина (правый фланг), Лефорта (левый фланг).

1 июля отряды Гордона вошли в боевое соприкосновение с силами турок. Завидев вышедшие на возвышенность русские войска, турки открыли по ним сильный огонь из орудий и пошли в атаку. Сначала туркам удалось добиться некоторого успеха, расстроив русскую конницу, но пехота отбросила турок. Перейдя старинные валы, расположенные недалеко от крепости, Гордон на виду неприятеля и

---

[1] Цитируем по тексту, приведенному в использованной нами в числе ряда других материалов при написании настоящего очерка кн. Н. Устрялова «История царствования Петра Великого», т. II, СПБ, 1858 («Потешные и азовские походы»).

под непрестанным обстрелом из турецких пушек, приступил к устройству лагеря.

5 июля 1695 г. к Азову подошли главные силы русской армии. На правом фланге стала дивизия Головина (здесь же располагалась и главная квартира русской армии), дивизия Лефорта заняла позиции на левом фланге. Примерно 7 тысяч донских казаков остановились на берегу Дона, несколько выше крепости. Петр был очень доволен осмотром уже заложенных траншей и ходом дальнейших земляных работ. Строились батареи, редуты (укрепления с сомкнутыми сторонами).

Началась планомерная осада Азова. 8 и 9 июля 1695 г. русские войска повели усиленную артиллерийскую стрельбу по Азову из возведенных батарей. Пальба велась из мортир и пушек. В одной из батарей находился бомбардир Петр Алексеев, который сам наводил орудия, прикладывал пальный огонь. Уже первые выстрелы вызвали пожары в Азове. Была разрушена одна из азовских караульных башен. Умолкла часть турецких орудий. Начало казалось весьма успешным.

Однако, запереть Азов со стороны Азовского моря Петр не смог. 6 июля к Азову подошли 20 турецких галер с войсками, пополнившими азовский гарнизон.

Усердно туша пожары и борясь с огнем, турки прибегли к системе частых, почти ежедневных вылазок. Эти вылазки особенно тревожили лагерь Лефорта.

Немало неприятностей приносила русской армии со стороны степи и многочисленная, очень подвижная татарская конница. Татары нарушали нормальную доставку к русской армии снарядов и продовольствия из главного склада в устье Койсуга.

Ко всему этому подвоз снарядов и продоволь-

ствия русским войскам водою, т. е. наиболее удобным путем, был затруднен из-за турецких каланчей, стоявших на обоих берегах Дона и хорошо укрепленных. Одна каланча была вооружена 15 пушками, другая — 21 пушкой. Между каланчами поперек Дона были вбиты деревянные сваи, частокол.

На военном совете русской армии было решено овладеть каланчами. Петр вызвал для этого добровольцев из числа донских казаков с тем, чтобы при их помощи захватить ночью одну из каланчей. Царь обещал каждому участнику этого дела денежную награду в размере 10 руб. Вызвалось итти 200 донских казаков. В помощь им был выделен полк солдат под командой полковника Шарфа.

Донские казаки, хорошо знакомые с местностью, ловкие и смелые, незадолго до рассвета осторожно переплыли Протоку и Широкий ерик и, тихо пробравшись к каланче, прикрепили к ее железным воротам петарду. К сожалению, взрыв не достиг цели: ворота остались целы. Но эта неудача не обескуражила участников геройского предприятия. Казаки ломами расширили одну из бойниц каланчи и, пользуясь образовавшимся проломом, проникнули внутрь каланчи. Началась горячая схватка. Турки упорно отстреливались, сбрасывая на казаков камни. Часть турок была убита, часть сдалась в плен, а некоторые потонули в Дону при попытке переплыть реку. Лишь один человек из состава гарнизона каланчи спасся бегством.

Петр и вся русская армия восторженно встретили захват каланчи, отметив победу казаков пушечной пальбой. Однако, радость Петра была омрачена известием об измене: голландский матрос Яков Янсен, служивший у Петра и добившийся его личного доверия, в тот самый день, когда казаки овладели турецкой каланчой, изменнически перешел

на сторону турок. Янсен хорошо знал численность, состав и районы расположения русских войск и сообщил туркам немало полезных для них сведений.

Последствия измены не замедлили сказаться. Между лагерями генералов Гордона и Лефорта находились неоконченные и еще незащищенные редутами траншеи. В полдень 15 июля турки незаметно приблизились к этому пункту, легко расправились с неожидавшей нападения стрелецкой стражей. Сын генерала Гордона с трудом задержал продвижение турок, а вскоре по прибытии самого Гордона с солдатами турки были обращены в бегство. Однако, когда турки уже приблизились к крепостному рву, они были подкреплены свежими силами, вышедшими из Азова. Стремительно обернувшись назад, турки с диким криком бросились на русских.

Сам Гордон о последовавших за этим событиях писал:

«Стрельцы и солдаты рассеялись по полю и в паническом страхе, какого я в жизнь свою не видывал. Тщетны были все мои увещания; я не отходил от редута, чтобы привлечь войско, но напрасно. Турки меж тем были все ближе и ближе и едва не захватили меня в плен, от которого я спасся помощию сына и одного рядового!».

В руки турок перешел редут с орудиями. Только в траншеях удалось приостановить отход. Вскоре на помощь прибыли потешные полки. В жестокой, длившейся три часа, схватке турки были вынуждены отступить и возвратиться в крепость. Обе стороны понесли большие потери. Русские потеряли до 600 рядовых, турки едва ли не больше.

Вслед за этим последовала удача, которой Петр был обязан предприимчивости донских казаков. Укрепившись в занятой ими турецкой каланче и используя захваченные в ней турецкие орудия, казаки

открыли сильный огонь по второй каланче, стоявшей на противоположном берегу Дона. Огонь был метким и разрушительным. Снаряды разрушали стены каланчи. Ночью, желая избежать штурма каланчи и предвидя поражение, командовавший турецким гарнизоном ага покинул каланчу вместе со всеми своими людьми. Так в руки русских перешла и вторая каланча, с находившейся в ней 21 пушкой.

В письме к Кревету[1] от 17 июля 1695 г., сам Петр так описывал взятие обеих каланчей и предшествовавшие им события азовского похода:

«Письма твои в обоз под Азов мне дошли, адно июля в 11 день, а другое в 16 день, в которых пишешь о грамотках, что не доходят; также и о ди-Вилде, и о нем приказано Францу, также и о струментах, что ожидаешь вскоре. Инженер, об котором ты писал, приехал суды, а инструменты у него я посмотрю и, буде надобны, писать к тебе буду. А о здешнем поведении известен буди: сего месяца 5 дня прешедчи под Азов, осадили и опрошами[2] день о дни к городу приближались; также батарии на пушки и на мартиры[3] поставя верхне(й) бой мало не весь збили и бомбами город разорили и выжгли, что и взятые языки сказывают, что от одной бомбы пропадала человек по сороку и больши. И то жестокое утеснение неприятель видя, чинил две вылоски: первую на генерала Лефорта, а другую на генерала Гордона, где и, в шанцы[4] вшед, пушки заклепали: аднакоже тотчас отбиты, и провожали их до самого города

[1] Кревет (Крефт) Андрей Юрьевич, переводчик Посольского приказа.

[2] Апроши, или подступы, — продолговатые ровики с внешней насыпью, служащие для безопасного приближения к крепости.

[3] Мортира — прототип артиллерийских орудий имевший первоначально форму ступки, на дне которой помещался пороховой заряд и вкладывалось каменное ядро. С развитием артиллерии мортиры составили особый род орудий исключительно для навесной стрельбы по палубам военных судов (береговые мортиры) и по каменным и бетонным сводам (осадные и крепостные мортиры). «Военная энциклопедия», том XVI, стр. 441, 1914 г.)

[4] Шанец — небольшой окоп, укрепление.

наши, где с великим уроном неприятель мусил уступить в город, а наши уже и во рву неприятеля били. Да сего же месяца июля в 14 день, каланчю, на сем берегу стоящую по утру приступом взяли, на которой взято языков пятнацать человек, да четыре убито; а наших убито два человека да несколько раненых. И посылали на другую каланчю говорить, чтоб оне здались, но оне в том отказали; аднакоже во вчерашнею ночь опою покинули, и мню, что покинули ее того ради, что уже некоторая часть ее розбита была из наших пушак и бомбы бросаны для которого взятия зело великая радость была здесь и, благодаря Бога, стреляли во всех полках, и теперь зело свбодный стал проезд со всякими живностми в обозы наши, и будары (с) запасами воинскими (и) съестными. С реки Койсы суды пришли, которые преж сего в обоз зело провожены были с великою трудностью от Татар сухим путем и, слава Богу, по взятии оных, яко врата к Озову щастия отворились. Piter
Из обозу, июля в 17 день»[1].

На очередном военном совете генерал Гордон внес ряд предложений по ведению осады Азова. Гордон предлагал продолжить контравалационную линию на левом фланге вплоть до самой реки. Эта мера, по мысли Гордона, должна была воспрепятствовать связи степной татарской конницы с азовским гарнизоном. Гордон предлагал также направить крупный отряд на правый берег Дона и возвести там укрепление, из которого открыть систематический артиллерийский огонь по Азову, так как крепость стояла на покатом в направлении к Дону месте и с правой стороны Дона за крепостными стенами можно было видеть азовские улицы и дома. Гордон настаивал, наконец, на немедленном укреплении взятых у турок каланчей.

Военный совет одобрил лишь второе из этих трех предложений Гордона. Ближнему стольнику, князю Якову Федоровичу Долгорукову, было пред-

---

[1] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I, (1688 — 1701), СПБ, 1887, стр. 40 — 41.

писано возглавить два солдатских полка в количестве 4 000 человек и занять с ними пункт в садах на Каланчинском острове. В ночь на 20 июля 1695 года Долгорукий переправился через реку со своими солдатами и начал вести земляные работы.

Уже рано утром 21 июля турки заметили действия русских. Крупные силы татар и турок к 10 час. утра начали переправляться на судах через Дон с тем, чтобы ликвидировать угрозу со стороны отряда Долгорукого. По просьбе Долгорукого Петр бросил ему в подкрепление тысячу пехотинцев и отряд конницы. Гордон в свою очередь выступил с людьми и несколькими орудиями к тому месту, где татары переправлялись через Дон.

Положение Долгорукого было весьма трудным. Не имея достаточных укреплений, отряд мог легко подвергнуться разгрому со стороны многочисленной конницы неприятеля. Спас Долгорукого маневр Гордона. Заметив отряд Гордона и, очевидно, опасаясь того, что русские отрежут пути отхода, татары и турки на лошадях переплыли Дон обратно.

В течение трех дней Долгорукий со своими солдатами возвел солидное земляное укрепление, снабдил его пушками и мортирами. В укреплении был оставлен гарнизон в составе 400 солдат и 200 казаков, сам же Долгорукий пошел на соединение с основными силами русской армии. Наведенный через Дон пловучий мост соединял новые укрепления с силами русских.

Все это время неустанно велись земляные осадные работы. Русские редуты все больше приближались к крепостным рвам Азова. Больше всех здесь преуспевали Гордон и Головин. Несколько отставали земляные работы у Лефорта. Вели на свой лад земляные работы и донские казаки, также сумевшие подойти близко к крепости. «В деле нашем, — писал

Петр Виниусу в письме от 30 июля, — порядок идет доброй, и уже менши тритцати сажен от города обретаемся»...

Петр возлагал большие надежды на артиллерийскую бомбардировку Азова с новых коммуникационных линий. Эта общая бомбардировка и началась 27 июля 1695 г. В Азове возникли пожары. Ядра и бомбы разрушали строения, сбивали турецкие орудия, наносили повреждения крепостным укреплениям.

«Бомбардир Петр Алексеев» был на передовых позициях. Петр являл собой редкий пример личной отваги и мужества. Он стрелял из батарейных орудий или же, с инструментом в руках, работал в траншеях под огнем неприятеля.

Петр писал брату:

«Азов в крепком обложании, раскаты и башни, где были пушки, и вся пушечная стрельба отнята и сбита; и в каменном городе как от пушек разбито, так и от бомб все выжжено, и жильцов никого нет: все вышли в вал, который против наших обозов, но и тут они не без бедства»[1].

Однако, русская артиллерия оказалась недостаточно мощной против столь крупной крепости, как Азов. Турки упорно оборонялись. Среди них было много умелых и опытных стрелков, наносивших немалые потери русским солдатам.

Активно действовала и татарская конница, нападая на табуны лошадей русской армии, вступая в перестрелку с казаками, захватывая и увозя пленных.

В письме на имя Кревета Петр писал, что по дорогам к Азову не только нельзя ездить в колясках, «но и пешие наклонясь ходим, потому что подошли к гнезду близко и шершней раздразнили, которые

---

[1] И. И. Голиков — «Деяния Петра Великого», т. XI, стр. 6.

за досаду свою крепко кусаются, однако и гнездо их помаленьку сыплется».

После артиллерийской подготовки русское командование предложило азовскому Муртаза-паше сдать крепость. Однако посланные в Азов два казака привезли ответ Муртазы-паши, что он намерен защищать крепость до конца.

Стал вопрос о штурме крепости. Петр горячо настаивал на немедленном штурме. Его поддерживали столь же воинственно настроенные военачальники. Напрасно Гордон пытался убедить, что надо подождать, что бомбардировка еще недостаточно ослабила врага.

На штурм решено было вызвать охотников. Командование обещало заплатить рядовым солдатам по 10 руб. за каждое взятое турецкое орудие, а офицеров вознаградить особо.

Характерно, что охотниками вызвались быть прежде всего донские казаки, старые противники турецкого Азова. Явилось примерно 2500 казаков, причем казаки заявили, что если понадобится, то их число будет легко приумножено. В подкрепление казакам выделили в обязательном порядке по 1 500 человек от каждой дивизии русской армии.

Штурм был назначен на воскресенье 5 августа 1695 г. Гордон сделал еще одну попытку настоять на более тщательной подготовке штурма, указывая на необходимость подвинуть апроши непосредственно к крепостному рву и, кроме того, провести вокруг крепости свой ров, который мог бы послужить для защиты на случай неудачного исхода штурма. Однако, голос Гордона потонул в общей массе голосов во главе с Петром, настаивавших на скорейшем штурме.

Вера в благополучный исход штурма укрепилась у Петра еще больше после того, как перебежчик

из Азова показал 4 августа, что весь турецкий гарнизон перед началом осады Азова состоял из 6 — 7 тыс. человек и что по крайней мере одна треть гарнизона выбыла из строя убитыми и ранеными, причем крепость испытывает недостаток припасов и снарядов. Перебежчик (Грек) рассказал также о том, что Муртаза-паша заложил для уничтожения русских подкопов контрмины, в частности на азовском кладбище. Вечером 4 августа перебежчика водили по траншеям и он указал места нахождения турецких контрмин.

Гордон произнес краткую напутственную речь перед добровольцами и их офицерами, но сам до последней минуты продолжал убеждать Петра в целесообразности отложить штурм. «Нельзя, — указывал Гордон, — предпринимать штурм, не сделав предварительного пролома в крепостных стенах, не имея достаточно лестниц и фашин».

5 августа на рассвете ударили зорю. Это был сигнал к штурму. Бутырский и Тамбовский полки должны были овладеть угловым бастионом на левом фланге, части из дивизии Головина—занять на правой стороне укрепления, подходившие к Дону. Донским казакам приказано было приблизиться к Азову на судах и проникнуть со стороны реки в нижнюю часть крепости. Траншеи же были заняты стрельцами.

В то время, как Бутырский и Тамбовский полки смело двинулись на приступ, части из дивизии Головина внезапно повернули влево и, расположившись в садах, стали бездействовать. Это позволило туркам быстро перебросить силы в тот район, откуда повели штурм Бутырский и Тамбовский полки. Солдаты этих полков держались стойко, но несли большие потери и с трудом удерживались на валу, несмотря на то, что к ним стали подходить подкрепления с левого фланга.

Четыреста казаков на 20 лодках, преодолевая огонь неприятеля, подошли к Азову и ринулись на береговые укрепления. Турки, однако, отбили нападение, и казаки были вынуждены возвратиться обратно.

Ударили отбой. Русские потеряли до 1 500 человек, тогда как потери турок не превышали 200 человек убитыми.

Неудача штурма ярко свидетельствовала о недостаточном опыте русской армии, об отсталости военной техники. Гордон писал: «Так кончилась попытка штурма, внушенная неопытными и опрометчивыми советниками».

В известном романе Алексея Толстого «Петр Первый» хорошо передан как ход штурма, так, в частности, и разговоры части русских солдат, вызванные непониманием цели войны, убеждением, что наличными силами и средствами взять Азов не удастся:

«На стенку удалось забраться только бутырцам и тамбовцам. Идущие вслед стрельцы услыхали бешеную резню, лязг железа — заробели и залегли в вишневых садах сожженной слободы. Казаки отчаянно приступали со стороны реки, но лестницы оказались короткими, турки валили со стен камни, лили горячую смолу. Казаки ни с чем вернулись в табор. Штурм был отбит.

Когда поднялось солнце, увидели множество трупов у крепости. Турки, раскачивая, сбрасывали русских со стен, трупы скатывались в ров. Погибло свыше полторы тысячи. В окопах солдаты вздыхали:

— Вчера смеялись мы с Ванюшкой, — вон его птицы клюют...

— И куда нам лезть к туркам... Чаво мы тут не видели...

— Разве мы можем воевать... Всех побьют...
— Одни генералы в Москву вернутся...
К царю в головинский шатер сошлись генералы.
Гордон был печален и молчалив. Лефорт скучно подавливал зевоту, не глядя в глаза. Упалый лицом Головин то-и-дело ронял голову. Только пришедший с царем Меньшиков геройски подбочепивался, — голова обвязана тряпкой, шпага опять в крови: был на стенах... Его, дьявола, смерть не брала...[1].

После первого неудачного штурма, у Лефорта был созван военный совет русской армии. После долгих споров о дальнейших действиях, совет одобрил предложение Петра: продолжить осаду крепости и приступить к подведению под крепость мин с трех сторон, по одной от местонахождения каждой из трех дивизий.

Тогда же, по настояниям Гордона, было решено укрепить каланчи, захваченные у турок. На работы по укреплению каланчей было направлено 400 человек. За ходом работ наблюдал Петр.

Неудача штурма сильно ободрила турок и татар. Участились вылазки турецкого гарнизона из крепости, причем нередко турки врывались в траншеи и уничтожали сооружения русских войск. Осмелевшая татарская конница совершала налеты на лагерь русских, вступала в схватки с казаками, пыталась воспрепятствовать работам по укреплению каланчей.

Действия неприятеля выводили из строя много людей. Смерть вырвала и ряд лиц из числа помощников Петра, в том числе и близких ему и пользовавшихся его доверием.

С берегов Днепра к Петру под Азов также долгое время поступали малоутешительные известия. Шереметьев сообщал о нехватке оружия. Только в ночь на 19 августа 1695 г. были, наконец, получены

---

[1] А. Толстой — «Петр Первый». Роман. Гослитиздат, Л., 1937, стр. 314—315.

известия от Шереметьева и гетмана Мазепы, что им после осады удалось взять приступом турецкие крепости Казикерман и Таган, а другие две, брошенные турками, разорить.

Эти вести укрепили у Петра настойчивость и энергию. Непрестанно торопил он с устройством подкопов. На это толкала, правда, еще и надвигавшаяся осень. Начались дожди. Вода наполняла траншеи и затрудняла действия солдат.

Подкопы шли неплохо, но турки зорко следили за ними. Первый подкоп из района дивизии Лефорта кончился тем, что турки, обнаружив минную галлерею, уничтожили ее и перебили рабочих. Та же участь постигла и второй лефортовский подкоп.

Гордон довел свой подкоп до крепости рва, но встретил здесь турецкую контрмину. Пришлось взорвать ее, но тем самым нанести тяжелые повреждения и собственным работам.

Головин подвел свой подкоп под бастион; тут рабочие-землекопы услышали шум. Было решено, что турки закладывают здесь контрмину. Головин поспешил заложить порохом камеру, устроенную в подкопе. На военном совете было постановлено немедленно взорвать подкоп, а в образовавшийся пролом бросить войска. И в этом вопросе осторожный Гордон остался при своем мнении, что форсировать взрыва не следует.

После сигнальных пушечных выстрелов солдаты освободили траншеи в близком к подкопу районе. Подожгли мину. Почуяв недоброе, турки немедленно ушли за внутренние укрепления. Грянул оглушительный взрыв. На воздух взлетели камни, доски, бревна. Гордон, однако, оказался прав: сказалась неопытность русских в инженерном деле, крепостная стена осталась невредимой, взрыв разрушил лишь часть вала. Взлетевшие же на воздух

камни, доски и бревна всей своей тяжестью рухнули на русские траншеи. Было извлечено 30 трупов и около 100 человек раненых.

Неудачный подкоп еще более ухудшил настроение русских солдат. Петр нервничал и требовал ускорить проведение подкопов, шедших из центра расположения русских войск.

Гордон посетил строительные работы у каланчей в присутствии Петра, пытаясь предупредить новый преждевременный приступ на Азов, но разгневанный неудачами Петр был страшен — и Гордон промолчал.

Внешне, впрочем, Петр был спокоен, не подавал и вида о тяжелом состоянии духа. 17 сентября 1695 г., например, т. е. уже после неудачи с подкопами и катастрофического взрыва 16 сентября, Петр писал А. А. Виниусу:

«А здесь, слава Богу, все здорово и в городе Марсовым плугом все испахано и насеяно, и не токмо в городе, но и во рву. И ныне ожидаем добраго рождения...».

Петр не хотел, чтобы сведения о неудачах русской армии дошли до Москвы, и не терял надежды, что упорство и настойчивость в осаде Азова приведут к желанным результатам.

Начались дожди. 18 сентября 1695 г. хлынул проливной дождь с градом. Положение русской армии ухудшалось с каждым днем. Наиболее благоприятный период остался позади, а перелома в ходе военных действий все еще не было.

20 сентября Лефорт сообщил Петру, что заложенные им два минных подкопа готовы. Немедленно было решено предпринять 25 сентября новый решительный штурм Азова. Штурм должен был начаться со всех сторон, с участием всех сил русской армии. Главные удары предположено было направить через проломы после взрыва подкопов и со стороны Дона. Преображенский и Семеновский

полки должны были, переправившись на судах, штурмовать нижнюю часть Азова. Не теряя времени, Петр направился в лагерь Я. Ф. Долгорукого (откуда открывался вид на часть улиц и строений Азова). Петр стал намечать наиболее удобные пункты действия преображенцев и семеновцев.

Гордон пытался обратить внимание Петра, что бросать лучшие силы русской армии на штурм нижней части Азова не следует, ибо переправа через Дон отнимет время, Преображенский и Семеновский полки вступят в бой позже остальных частей русской армии и понесут сразу большие потери. Дело в том, что в связи с активными действиями донских казаков турки позаботились хорошо укрепить нижнюю часть крепости и города. Мелководье Дона могло также замедлить отступление Преображенского и Семеновского полков, в случае неудачи штурма. В пылу подготовки к штурму Петр вновь не обратил внимания на слова Гордона.

24 сентября Петр осмотрел проложенные подкопы. В галлереях, с левой стороны, уже был слышен шум. Турки, очевидно, вели свои подземные работы, что еще более убеждало в необходимости ускорить штурм Азова. В подкопы было вложено 95 пудов пороха и бомбы: в один подкоп 16 крупных, а в другой — 30 бомб меньшего размера.

Перед началом штурма была сделана ошибка. Донским казакам было приказано, не принимая участия в штурме, взять на себя охрану русского лагеря от возможного нападения татарской конницы со стороны степи. Между тем это можно было бы успешно выполнить силами других, притом даже меньших по количеству, частей русской армии. Так из состава армии в решительный момент выбыло большинство донских казаков, которые были одним из наиболее маневренных, умелых и храбрых отрядов ар-

мии, штурмующей крепость. Лишь тысяча казаков была отобрана по жребию для участия в штурме.

25 сентября после сигнальных пушечных выстрелов последовали взрывы подкопов. Вновь сокрушительные взрывы потрясли воздух, но когда рассеялся дым, стало очевидно, что подкопы не оправдали полностью всех ожидавшихся надежд. Оказалось, что турки все же успели подвести свою контрмину и кроме того действие взрывов было ослаблено устроенным турками крепким палисадом. Все же пролом шириной до 20 сажен образовался. Турки отошли с вала внутрь крепости.

Солдаты и стрельцы быстро перешли ров. Однако, в проломе они увидели палисад. Отряды Лефорта должны были не дать туркам сконцентрироваться у главного пролома. С этой целью отряды должны были сделать нападение на другие укрепления, ближайшие к пролому. Однако Лефорт не смог выполнить этого. Ожидавшегося второго пролома не последовало. Взрыв не засыпал рва. Потеряв некоторое время, солдаты Лефорта присоединились к силам Гордона. Произошло замешательство. Остальные силы русской армии уже не продолжали штурма, ожидая, чем кончится сражение в месте крупного пролома.

Все это позволило туркам бросить к месту пролома крупные силы. Сильным огнем турки заставили русских сойти с вала. Вслед за этим отряд из 400 янычар, сверкая саблями и с бешеным криком, ринулся во главе с агою на стрельцов, засевших в больверке. Отступая, стрельцы пытались задержаться на внешней части вала, но, неся большие потери от огня турок, были сброшены в ров. После полуторачасового горячего боя Гордон отвел свои отряды в близлежащие траншеи.

Тем временем Преображенский и Семеновский

полки и отряд донских казаков в 1 000 человек во главе с П. М. Апраксиным переправились через Дон и, действуя энергично, смело, захватили передовые береговые укрепления турок и проникли в город, чем был сильно обрадован Петр, который наблюдал за действиями этой части русской армии с противоположного берега Дона.

Чтобы поддержать успешные действия преображенцев, семеновцев и казаков со стороны Дона, Гордон отдал своим войскам приказ итти им на помощь. Однако, неудача сражения в месте пролома и крупные потери настолько обескуражили солдат, что, не веря в победу, они действовали уже менее быстро, с неохотой. Нерешительность в рядах гордоновских войск возросла еще больше после того, как первые же попытки подняться на вал были встречены ураганным фланговым огнем со стороны турок. Бомбы, ручные гранаты и пули наносили тяжелые потери войскам Гордона. Гордон и здесь был вынужден ударить отбой. Петр приказал немедленно возобновить нападение, чтобы не дать туркам бросить свои основные силы против преображенцев, семеновцев и казаков, но все было, однако, уже тщетно. Гордоновские солдаты достигли было половины вала, когда вновь были опрокинуты нещадным огнем в ров.

Не получив помощи и встретившись с крупными силами турок, Преображенский и Семеновский полки и отряд донских казаков не смогли развить благоприятное начало своих боевых действий. Неся потери, добрались солдаты и казаки до судов и начали обратную переправу через Дон.

Потери русских были велики, а штурм не дал вновь никаких результатов.

В путевом журнале Петра находим такую запись о событиях 25 сентября 1695 г.: «Был приступ

другой к городу Азову и был бой жестокий, только отступили наши. День был северной; в ночи мороз».

Многих не досчитались в русской армии. От ран скончались товарищи детства Петра Аким Воронин и Григорий Лукин. Все трофеи штурма выразились в одном турецком знамени — значке и взятой на валу стрельцами железной пушке. В записке на имя князя Ромодановского Петр писал: «Еким Воронин и Григорий Лукин волею божиею умре. Пожалуй, не покинь Григорьева отца».

Положение складывалось явно безнадежное. Началась осень. Рассчитывать на скорое овладение крепостью не приходилось.

После неудачного штурма 25 сентября боевые действия по существу прекратились.

Петр хотел вознаградить себя за неудачи под Азовом хотя бы взятием крепости Лютик на Мертвом Донце, но осмотревший ее инженер Рюль сообщил, что и здесь потребуется немало времени, сил и средств.

27 сентября, после продолжительного заседания военного совета, было решено осаду Азова прекратить. Укрепленные каланчи были наименованы Новосергиевским городом (по имени «святого» Сергия, «покровителя» придонских стран). В Новосергиевске был оставлен гарнизон.

В путевом журнале читаем:

«В 29 день. Генералы наши велели пушки вывозить; из шанцев своих отступать от города стали; тако ж и в обозах стали выбираться на пристань. День и ночь были холодны и с дождем. В 30 день. Тако ж выбирались из обозов к пристани. День был с дождем и ветер».

Первые дни орудия, снятые с батарей, отправлялись с обозами к городу Черкасску преимущественно ночью, чтобы турки не заметили сразу отхода

русских войск. Однако, от пленных солдат эта новость быстро проникла в Азов. Узнали о ней и татары, конница которых начала непрестанно нападать на русский лагерь и военные транспорты.

Все неблагоприятствовало русской армии. Сильнейший ветер с моря нагнал воду с Дона. Вода затопила низменные места, в которых располагалась часть русского лагеря. Были подмочены значительные запасы пороха, утонуло немало солдат. Разлив Дона сделал невозможным отход через Дон на Крымскую сторону. Отступление должно было вестись теперь по ногайской стороне в виду татарской конницы.

Ликованию турок не было предела.

2 октября 1695 г. к 8 часам вечера последние русские солдаты покинули лагерь. Отступали «безлюдной, голой степью. Доедали последние сухари. Не из чего было зажечь огня, негде укрыться от ночной стужи. Грядами наползали осенние тучи. Подул северный ветер, нанес изморозь. Обледенела земля. Повалил снег, закрутилась вьюга. Солдаты босые, в летних кафтанах, брели по мертвым забелевшим равнинам. Кто упал, не поднимался... За войсками шли волки, завывая сквозь вьюгу.

Через три недели добрались до Валуек. Всего треть осталась от армии. Отсюда Петр с близкими уехал вперед в Тулу, на оружейный завод. За царем везли двух пленных турок и отбитое знамя...

Так без славы окончился первый азовский поход», — читаем мы в романе Алексея Толстого — «Петр Первый»[1].

Мало кому известно, кстати сказать, что историей Азова близко интересовался и Лев Николае-

[1] А. Толстой — «Петр Первый». Роман. Кн. 1-я и 2-я, 7-е изд. Гослитиздат, 1937, стр. 319—320.

вич Толстой. После окончания «Войны и мира» он предполагал написать исторический роман из эпохи Петра I. В конце декабря 1872 г. Толстой писал: «Обложился книгами о Петре I и его времени, читаю, отмечаю, порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художника!».

Примечательно, что в основу романа Толстой хотел положить освещение главным образом народной жизни, о чем говорят строки в записной книжке Толстого, занесенные как впечатление от чтения истории России Соловьева: «...читал о том, как грабили, правили, воевали, разоряли (только об этом и речь в истории), приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормили хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камки, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил чернобурых лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары?».

Роман остался ненаписанным. В письме на имя своего близкого знакомого Владимира Константиновича Истомина Л. Н. Толстой, собирая материалы о Петре, писал 12 января 1873 г.:

«У меня к вам просьба. Вы живете недалеко от Азова. Может быть и сами бываете, а может быть знакомые ваши. Мне нужно вид — картину того места, где стояли войска и были военные действия при Петре. Мне нужно знать: какие берега Дона, Мертвого Донца, Кутерьмы там, где высоко, где низко. Есть ли горы, курганы. Есть ли кусты — челига или что-нибудь подобное, — какие травы? Есть ли ковыль? Какая дичь? Да и вообще течение Дона от Хопра какой общий характер имеет, какие бере-

га? Может быть, есть книги об этом специальные, то назовите»[1].

Возвращаясь к итогам первого азовского похода, надо отметить, следовательно, его полную неудачу. Понеся значительные потери, в трудных условиях возвращалась из-под Азова русская армия. Даже лаконичные и сухие записи в путевом журнале, сделанные в октябре 1695 г., повествуют о безотрадной обстановке отхода армии Петра с Дона:

«В 12 день. Пошли господа генералы обозами в путь свой и перед вечером перешли речку и отошли не далеко; в степи ночевали. И был снег и ночь холодна была... — В 15 день. Шли путем. День был тихий, а в ночи мороз; ночевали в степи. — В 16 день. Маленькую перешли переправку. День был тих, а в ночи был мороз. Ночевали в степи. — В 17 день. Перешли две переправы. День был с дождем с небольшим и ночь також. Ночевали в степи. — В 18 день. Был великий снег и стояли на пути, для той погоды, часа с три, и опять пошли в путь свой и перед вечером перешли переправу и ночевали в степи. В ночи был небольшой дождь...»[2].

Отсталость русской военной техники и отсутствие флота привели к тому, что первый поход на Азов не принес успеха.

Неудача первого похода Петра на Азов нашла свое отражение в сообщениях многих современников — русских и иностранцев.

Так, любопытные и малоизвестные сведения о первом азовском походе Петра I находим у еврейского писателя Давида сына Элиазара Ляхну, писавшего между 5441—5491 годами европейского летоисчисления (1681—1731 гг.). Основываясь на устных рассказах измаильтян он, в своем сочинении

---

[1] Г. А. Волков. — «Неопубликованное письмо Л. Н. Толстого к В. К. Истомину», «Литературная газета» № 64 (555), 1928 г.

[2] Н. Устрялов — «История царствования Петра Великого», т. II, СПБ. 1858, стр. 544.

«Девар-Севафаим», писал между прочим следующее:[1]

«Когда Султан Мустафа, сын Султана Махмуда воцарился и возсел на свой престол (1107 г. Гиджры: 5455 по еврейскому летоисчислению. — 1695 г. н. эры), в то время с каждым годом война с римлянами (австрийцами) становилась обременительнее для турок, которые то побеждали, то были побеждаемы ,— тогда еще прибавилось у них врагов: с Севера угрожала беда, а именно: Ах-Бей (белый царь) царь Московский, который, с скрытою в сердце недружбою и вечною нелюбовью, питал недобрые замыслы и изыскивал средства завладеть Крымом. Он собрал многочисленное войско свое и разделил его на две части, из которых одну поручил воеводе по имени Шермет-оглу, который пошел на Кази-Кирман (Берислав), лежащий на большой реке Узу (Днепр), с крепкою стеною и прочными вратами, осадил его и начал войну.

Остальная же рать царя московского пошла воевать на сильную крепость Азах, обнесенную валами и стеною, лежащую на великой реке Тэн-Сваве (Дон), одном рукаве Черного моря. Выше же ее, на расстоянии полумили, были две небольшие крепостцы, одна против другой, а между ними железные цепи, называемые «Занджили-хулахар», чтобы суда народа московского не могли проходить между нами, — одна называлась Ваддин-хулла, а другая Джан-хулла. Тогда-то они, напав и овладев двумя крепостцами, осадили Азах и долгое время вели с ним борьбу. Тогда было в Азахе 6 000 отборного, опытного войска янычарского, которое до нашествия неприятеля построило себе большую деревянную стену, отступив на довольное расстояние от городской стены, для того, чтобы было для них просторнее сражаться на ровном месте. И стали бросать стрелы, метать из пращей, наводить махины, стараясь пробить стену. С каждым же днем выходили вооруженные воины из города и наносили неприятелям сильные поражения, до того, что с каждым днем их становилось менее и менее. К ночи же они возвращались в город, и так день проходил в бою, а ночь в карауле... Людей осталось весьма мало; война была продолжительная: осада и битвы продолжались 107 дней, а город не могли взять, не смотря на то, что настала зима. Вследствие морозов и холода война прекратилась: сняли осаду и войско ушло восвояси.

[1] «Девар-Севафаим» (перевод с еврейского Ильи Финкеля). «Записки» Одесского Общества истории и древностей, т. II, Одесса, 1850, стр. 693 — 695.

В городе осталось около 570 человек, спасшихся от меча, и те были ранены: одни излечились, другие умерли. А как услышал об этом султан турецкий, то оказал им благодеяние: послал им подарки, увеличил их жалованье и содержание; отправил к ним оружие и снаряды, равно и жизненные припасы для городских жителей на всю зиму. Тогда опять воздвигли разрушенные и пробитые стены, укрепили бойницы, равномерно прислали к ним ратных людей для охранения города и для защиты во время войны».

Петр был крайне опечален неудачей под Азовом, хотя всячески скрывал это. Наоборот, официально Петр все время подчеркивал, что результаты первого похода вполне удовлетворяют его, что по существу он и не ставил других задач, нежели те, какие были достигнуты (взятие турецких городков в низовьях Днепра, частичные успехи под Азовом, разведка, рекогносцировка, проба сил).

После начала отступления из-под Азова Петр в течение трех недель возвращался вместе с войсками. Так дошел он до Валуек, где, оставив войска, отправился дальше. Несколько дней Петр провел близ Тулы, на железоделательном заводе Льва Кирилловича Нарышкина. Характерно для Петра, что, знакомясь с заводом и вникая во все подробности, он сам ковал железные полосы.

Дождавшись подхода полков, Петр организовал, чтобы сгладить неудачу похода, триумфальный вход в Москву возвратившихся из похода русских войск. Торжественно вступил в Москву Петр с войсками. Современник Петра Желябужский в своих записках пишет: «Пред царским сингклитом вели турченина, руки назад, у руки по цепи большой; вели два человека».

Трудно было, однако, замолчать печальные итоги похода.

Тяжелые переживания Петра не влекли за собой отказа его от заветной цели — овладеть далеким

Азовом, пробить России дорогу на юг. По словам С. М. Соловьева: «благодаря неудаче и произошло явление великого человека: Петр не упал духом, но вдруг вырос от беды и обнаружил изумительную деятельность, чтобы загладить неудачу, упрочить успех второго похода»[1].

Этот второй поход на Азов был решен твердо и незамедлительно. Тщательно изучался опыт первого похода, выяснялось, что именно влекло за собой неудачи в тех или иных действиях русской армии.

Было решено создать мощный военный флот, чтобы на этот раз осадить азовскую крепость и со стороны моря, блокировать ее.

Началась лихорадочная подготовка к новому выступлению. В октябре 1695 г. русская армия сняла осаду Азова, а уже в начале 1696 г. Петр развернул широчайшие работы по подготовке второго похода и в частности и прежде всего — по строительству русского военного флота. Петра I справедливо считают создателем русского флота. В историю вошли слова Петра: «Всякий потентат (облеченный властью), который только сухопутные войска имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

Строительство флота крайне затруднялось тем, что Россия не имела тогда кораблестроительных верфей, мастеров корабельного дела, обученных матросов. Все приходилось, по существу, начинать заново.

Ничто, однако, не смущало Петра. Уже 30 ноября 1695 г. Петр писал двинскому воеводе Апраксину:

---

[1] С. М. Соловьев — «История России с древнейших времен», кн. III, т. XI — XV, СПБ, изд-во «Общественная польза», стр. 1148.

«По возвращении от невзятия Азова, с консилии господ генералов, указано мне к будущей войне делать галеи (*галеры крупного размера*), для чего удобно мною быть шхип-тимерманом (*корабельным плотником*) всем от вас сюды (*в Москву*): понеже они сие зимнее время туне будут препровождать, а здесь тем временем великую пользу к войне учинить; а корм и за труды заплата будет довольная, и ко времени отшествия кораблей возвращены будут без задержания; и тем их обнадежь, и подводы дай и на дорогу корм. Также и иноземцы, которые отсель, об оных, кроме тимерманов, будут писать, также подводы (дай) и корм, а имянно Унтиену Тиману, и сколь скоро возможно пришли их сюды. Piter»[1]
С Москвы 30 ноября.

В консервативно настроенных придворных кругах было немало нареканий на Петра за то, что Петр стал еще более широко привлекать к работе иностранных специалистов.

Решительно отбрасывал Петр слушки и сплетни недовольных. Он посылает в Пруссию и Австрию за инженерами и подкопных дел мастерами, из Архангельска призывает иностранных корабельных плотников.

После ухода русской армии, донским казакам было поручено наблюдать за действиями турок в Азове и Придонье вообще. Казаки ревностно выполняли свою задачу, внимательно и повседневно следили за Азовом и прилегающими к нему местностями. Отряды донских казаков неоднократно входили в боевое соприкосновение с неприятелем — татарами и турками. В своих отписках в Москву казаки систематически сообщали о своих наблюдениях над неприятелем и стычках с ним.

Петр I не раз «изъявлял похвалу» по адресу донских казаков за их службу. Так, в грамоте Петра на Дон от 4 февраля 1696 г. читаем:

---

[1] «Письма и бумаги императора Петра великого», т. 1, СПБ, 1887, стр. 53 — 54.

«От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, на Дон, в нижние и верхние юрты, атаманом и казаком, войсковому атаману Фролу Минаеву и всему Войску Донскому, наше, царского величества, милостивое слово. В нынешнем 204 году, генваря в 31 день, писали к нам, великому государю, вы, атаманы и казаки, с станичным атаманом с Григорьем Матвеевым с товарыщи, что генваря в 1 день ходили вы всем войском, конницей и пехотою, для воинского промыслу над неприятелскими людми под Азов и по общему совету новоустроенного Сергиева города с воеводою с Акимом Ржевским пришед вы к Сергиеву, по своей казачьей обыкности пристойные места зажгли, а неприятелские люди в то ж время приходили к Сергиеву и сергиевских ратных людей 7 человек переранили, а вы на них неприятелей, били, и в полон тех ратных людей взять не дали, и гнали за теми неприятеля от Сергиева до самого Азова и взяли из них знатного азовского татарина, и прислали того татарина к Москве и по допросным того взятого татарина речам явилось, что от хана Крымского пришла в Азов подлинная ведомость: отпущен де в Азов из Крыму Шабан-Гирей салтан, а с ним 900 еманов, пеших людей, а в Тамани, и в Керчи и в иных ближних городах Муртоза-паша с братьями с пехотою яныченскою в готовости, и жду их азовцы к себе вскоре; а будет та пехота с Шабан-Гиреем салтаном и с Муртозою с казною и со всякими хлебными запасы на 5 000 арбах, да на тех же арбах прислано будет 20 мозжеров[1], а с теми мозжеры 50 человек мастеров, да с нагайскою ордою и с Черкесы и со всею конницею большим собранием будет другой салтан— Каплан-Гирей; а приказал де хан, чтоб тем их поганским войскам иттить мимо Азова и приступать к Сергиеву и мозжерами (*мортирами*) город зажечь; а из Царя-города от салтана прислано будет со лдом вместе войско для строения Азова и к тому строению из Азова в Азов прислано мастеров 10 человек. И по тем ведомостям вы, атаманы и казаки, служа нам, великому государю, послали в Сергиев ратным людям на помочь 400 человек казаков и велели им стоять и оборону против неприятелских людей чинить, не щадя голов своих, да и всем войском хотите вы, атаманы и казаки, того смотреть и остерегать, сколько вам Всемилостивой Господь Бог помощи подаст; а в Сергиеве тиры.

[1] Мозжеры — «можжира», древне-русское название мортиры.

де и у вас в Черкаском ныне малолюдно и опасаетесь вы и под Черкаской неприятелского приходу и чтоб они, неприятели, казны не зажгли и для того поставили вы у пушечной и у пороховой казны на сторожу 200 человек казаков. И мы, великий государь, за ту вашу службу, и за радение, и за посылку в Сергиев казаков и за сбережение нашей, великого государя, казны, жалуем вас, атаманов и казаков, милостиво похваляем...»[1].

Петр давал подробные наставления донским казакам по несению военной службы под Азовом:

«И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет и вы б, атаманы и казаки и все Войско Донское, попрежнему и по сему нашему, великого государя, указу, служа нам, великому государю, новопостроенный город Сергиев и Каланчи от неприятельского навождения берегли со всем усердным радением и до взятия и ни до какого разорения не допустили. И послать бы вам от себя из войска в тот город и в каланчи в помочь того города, к прежним ратным людем в прибавку казаков добрых, сколко человек пристойно, без всякого мотчания, чтобы тех казаков в осаду и на отпор неприятелем был доволно, и чинить отпор с великим радением, обще с ратными людми, которые в Сергиеве на каланчах оставлены, и были б те казаки в том городе и на каланчах до приходу ратных московских и городовых полков не отлучно, и о приходе неприятелских людей проведывать всячески с великим радением, и с сергиевским воеводою о бережении того города и каланчей чинить бы вам пересылки беспрестанные и от неприятелей опасные, а буде учинится к тому городу и к каланчам приход многих неприятельских людей и учнут под тем городом и каланчами стоять и приступать, и вам бы, атаманом и казаком, всем войском к тому городу и к каланчам итти и от неприятелей тот город и каланчи при помощи Божией боронить, сколко вам Всемилосердный Господь Бог помощи подаст, и показать в том службу и радение свое и до разорения, конечно, не допустить, что бы тем неприятеля приступу и порадованья, а впредь будущему нашему воинскому промыслу помешки не учинить, а будет от неприятелей, сохрани Боже, Сергиеву городу и Каланчам учинится взять или иное какое разрушенье, и то все причтено будет в ваше нерадение; и писали б вы от себя с Дону в

[1] «Акты, относящиеся к истории войска Донского», собранные А. А. Лишиным, т. I, Новочеркасск, 1891.

верхние городки к атаманом и казаком с нарочными гонцы наскоро, чтобы они из верхних городков шли к вам в Черкаской на помочь тотчас безо всякого мотчания и чинили б над неприятели воинские промыслы и осторожность всякую с вами обще, заодно, да и в Черкаском нашей, великого государя, казны со всякою осторожностию беречь же; а служба ваша и раденье у нас, великого государя, в забвении не будет, в том бы вам на нашу, великого государя, милость быть надежным. А наше, великого государя, жалованье для той службы к вам, атаманом и казаком, на Дон послано зимовой станицы с атаманом с Якимом Филиповым с товарыщи. А наши, великого государя, ратные люди с Москвы для того ж воинского промыслу над неприятели к вам на Дон посланы ж. А что у вас, атаманов и казаков, будет чинитись, и о том к нам, великому государю, писать чрез уставную почту, а о нужных великих делех с нарочными станицы. А ся наша, великого государя, грамота послана к вам, атаманом и казаком, наскоро чрез почту, а такова ж прислана к вам будет в войско с станичники вашими, с Григорием Матвеевым с товарыщи. Писан на Москве, лета 7204, февраля в 4 день.

Припись дьяка Василья Бобинина»[1].

Центральной базой строительства нового русского флота были избраны воронежские верфи. По берегам реки Воронежа росли дубовые, буковые, липовые и сосновые леса, которые с давних пор использовались в качестве строительного материала. Уже в первой половине XVII в. в Воронеже строили струги, в частности для отправки на них хлеба на Дон, в качестве царского жалованья донскому низовому казачьему войску.

Петровские верфи под Воронежом, которым было суждено стать колыбелью русского флота, располагались на луговой или, как ее иначе называли, ногайской стороне реки, примерно в 15 верстах от впадения реки Воронеж в Дон.

---

[1] «Акты, относящиеся к истории войска Донского», собранные А. А. Лишиным, т. 1, Новочеркасск, 1891, стр. 176 — 178.

Еще до похода 1695 г. Петр заказал в Голландии 32-весельную галеру[1], которую приказал доставить в Архангельск, а затем в глубь России. Когда перед Петром встала задача скорейшего строительства русского флота, голландская галера стала моделью для постройки русских судов. Уже во второй половине февраля 1696 г. были изготовлены основные части 22 галер и 4 брандеров[2]. Изготовлялись они в селе Преображенском, куда срочно были стянуты преображенские и семеновские солдаты, судостроители и др. Активная роль принадлежала вологжанам. Вологодский уроженец плотник Осип Щека со своими товарищами, нижегородский плотник Яков Иванов и другие показали отличные образцы работы.

Одновременно в Воронеже, в Козлове и других местах начались спешные работы по изготовлению к весне 1696 г. множества стругов, которые представляли собой невысокие суда без палубы, служившие для перевозки товаров, тяжелых предметов и т. п. Всего было предписано изготовить 1 300 стругов от 12 до 17 саженей в длину и от 1½ до 3¼ саженей в ширину. Кроме того, приказано изготовить 300 лодок и 100 плотов и т. д.

---

[1] Галера — тип военного плоскодонного гребного судна с одним рядом весел и двумя-тремя пушками на носу и на корме. Галеры могли ходить и под парусами, почему имели две или три мачты с трехугольным или четырехугольным парусом. В русских старинных документах и при описании флота Петра I часто встречается также термин — «каторга» (далматинское название галеры), откуда и понятия «каторжные работы», «сослать на каторгу» (ср. К. И. Самойлов — «Морской словарь». Том первый, А—Н, Военмориздат, М—Л, 1939).

[2] Брандер — 1) судно, предназначенное для закупорки неприятельских баз путем их затопления на входных фарватерах, для заграждения пути противнику; 2) судно в парусном флоте.

Строение стругов для предстоящего похода на Азов было возложено на жителей Белогородского полка. На постройку выделили до 26 тыс. человек. Работы велись в трудных условиях. Лес был сырой и мерзлый. Работать приходилось с раннего утра до поздней ночи. Рабочего времени никто не ограничивал. Снабжение продовольствием было организовано плохо. О тяжелых условиях работы свидетельствуют случаи массовой неявки людей к месту работ. В Добром, по дороге к нему или уже с места работы бежало до 1 230 человек, в Воронеже до 1 900 человек и т. п.

Петр лично и повседневно наблюдал за ходом судостроения. Его главным сотрудником, «сарвайером каторжного дела», а также казначеем-расходчиком, который ведал наймом плотников и других людей, заготовлением материалов (пеньки, смолы, железа, снастей и т. д.), являлся бывший учитель Петра в математике «торговый человек» Франц Тимерман. Он участвовал и в первом азовском походе в качестве инженера.

В Москве тем временем чуть ли не каждый день происходили различные совещания, на которых обсуждались вопросы, связанные с подготовкой к предстоящему походу на Азов. Распределялись обязанности, назначались командиры.

Во главе русского флота, в чине адмирала, был поставлен Лефорт. Он не был специалистом по руководству военными флотилиями, но такими специалистами Россия конца XVII в. вообще не располагала. Лефорт был разносторонне образованным и энергичным и исполнительным человеком.

Предстояло укомплектовать личный состав флота. Для этого было назначено во флот 4 225 солдат как старых, так и новых («новоприборных») солдат Семеновского и Преображенского полков.

Капитан Петр Алексеев, он же Петр I, Лефорт, вице-адмирал полковник Лима и шаутбенахт (контр-адмирал) полковник Делозьер командовали 24 ротами из 28 солдатских рот, выделенных в состав флота.

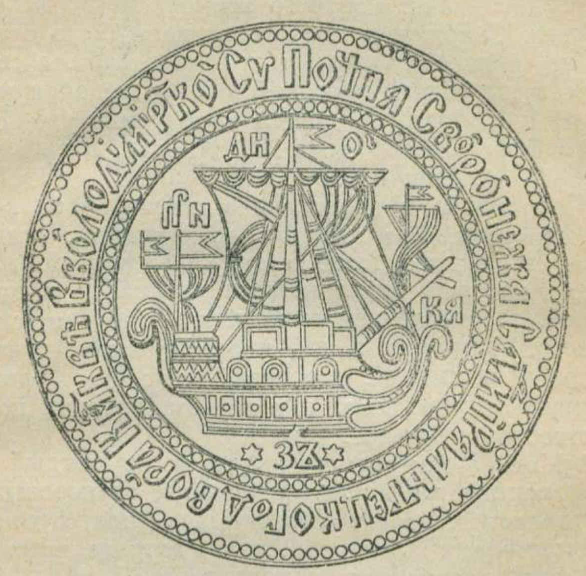

Рис. 2. Почтовая печать Воронежского адмиралтейского двора (увеличение).

В феврале 1696 г., когда до вскрытия вод Дона оставались считанные дни, Петр отправился в Воронеж, куда и прибыл 28 февраля 1696 г. Предстояло еще много дела. Галеры нужно было перевести в Воронеж и там собрать их и опустить на воду.

Петр поместился в пристанном дворе под Яче-

во-Моторино на берегу р. Воронежа. Здесь и было установлено место для строительства и сбора судов. Здесь же был сосредоточен центр морского управления, который получил название Государева Шатра на Воронеже[1].

Через несколько дней из Москвы приступили к отправке галер в Воронеж. Каждую галеру сопровождал ее командир, совместно с выделенной на галеру командой. В половине марта работы по сбору галер в Воронеже находились в полном разгаре. В Воронеж прибыли выписанные из-за границы мастера. Часть материалов заготовлялась на месте, часть доставлялась в Воронеж из села Преображенского, где денно и нощно работала пиловальная мельница, изготовлявшая доски. Нехватало железа. Петр приказал осмотреть в ряде уездов все железоделательные заводы и доставить в Воронеж все железо, которое будет обнаружено. На весла для галер нужно было ясеневое и вязовое дерево. Его доставили из Тульского и Веневского уездов.

Для перевозки строительных материалов мобилизовывали крестьянские подводы. Подводы шли десятки и сотни верст по непролазной грязи, в весеннюю распутицу. Всякая оплюшность и промедление нервировали Петра. Он требовал срочного и точного исполнения своих предписаний и не останавливался перед угрозой «всякого разорения и смертной казни за оплошку и нерадение».

Если Петр и его сподвижники понимали все значение строительства нового русского флота для

[1] В Воронеже до недавнего времени еще можно было видеть остатки различных строений петровского времени, а некоторые из них существуют и сейчас (ср. Ю. И. Успенский — «Старый Воронеж»», ГИЗ, Воронеж, 1922; там же литература по этому вопросу).

предстоящих военных действий, то тяготы и невзгоды, выпадавшие в связи с этим строительством на долю трудового народа, вызывали в народе на первых порах недружелюбное, настороженное, а порой и прямо враждебное отношение. Некоторые исследователи не без оснований высказывают предположения, что лесные пожары, которые вспыхивали в районе строения стругов, происходили не случайно, а были вызваны злым умыслом.

Как и всегда, пренебрегая недовольством, не считаясь с трудностями, вопреки холодам, плохим путям сообщения и пр., Петр довел дело до конца. Как указывалось, «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»[1].

Одновременно с работами по строительству флота, Петр развернул усиленную подготовку сухопутной армии.

27 ноября 1695 г. в церковь Чудова монастыря в Москве явился из Разряда сын боярский «и пошел по церкви кричать, чтобы все стольники, стряпчие, дворяне и жильцы шли в Верх к сказке. Там на Постельном крыльце дьяк Артемий Возницын прочитал им указ: собираться на царскую службу запасы готовить и лошадей кормить» (из записок Желябужского).

В село Преображенское стекалось немало крепостных людей, желавших записаться в солдаты. Жен и детей таких крепостных отбирали у их господ и поселяли в Преображенском.

В общем, в состав сухопутной армии должны были войти: ратные люди московского чина конного строя, стольники, стряпчие, дворяне и жиль-

---

[1] В. И. Ленин, соч., т. XXII, стр. 517.

цы — 3 816 человек, 30 солдатских полков — 38 800 солдат, 13 стрелецких полков — 9 597 стрельцов, 6 малороссийских полков — 15 000, донские пешие и конные казаки — 5 000, калмыки — 3 000, яицкие казаки и низовые конные стрельцы — 500. Из солдатских и стрелецких полков было укомплектовано 3 дивизии под командой генералов Головина (13 738 человек), Гордона (14 118 человек) и Ригемана (10 299 человек). Был также укомплектован отдельный отряд в составе 3 солдатских полков (4 000 человек), получивший название пешего полка адмирала Лефорта.[1]

Таким образом, общая численность сухопутной армии составляла на этот раз примерно 75 тыс. человек и намного превышала численность армии во время первого Азовского похода[2].

Во главе донских казаков попрежнему был поставлен атаман Фрол Минаев. Малороссийскими казаками командовал черниговский полковник, наказный атаман Яков Лизогуб, во главе яицких казаков стоял их походный атаман Андрей Головач. Все сухопутные войска должны были сосредоточиться к 20 марта в Валуйках и Тамбове.

Во время первого похода командование сосредо-

---

[1] Подробные сведения о составе русской армии во втором азовском походе 1696 г. см. в одном из важнейших источников к изучению этого похода — «Описание похода боярина Шеина», изд. Рубана, СПБ, 1773. Журнал о походе Шеина к Азову и о строении крепости Таганрог напечатан также в «Древней Российской Вивлиофике».

[2] К силам русской армии, действовавшей против Азова, был присоединен отряд волжских калмыков. «1696 года от него ж Аюки хана посылано в низовой азовской поход калмык его три тысячи человек» («Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным. 1761 года», журн. «Красный архив», 1939, № 3 (94), стр. 198).

точивалось в руках «консилии». На этот раз Петр решил иметь во главе сухопутной армии главнокомандующего — генералиссимуса или воеводу Большого полка. Таковым был назначен боярин Алексей Семенович Шеин, потомок известного воеводы Михаила Борисовича Шеина, отличившегося при геройской защите г. Смоленска от польского войска в 1609 г. (ср. сб. «Смоленская оборона», 1939 г.).

Начиная с конца марта 1696 г., сухопутные войска уже начали приходить в Воронеж. Первыми прибыли полки генерала Гордона.

Петр с нетерпением ожидал прибытия из-за границы иностранных инженеров, минеров и артиллеристов, но они задерживались выездом. Осада Азова в 1696 г. была начата еще до прибытия иностранных специалистов.

Из писем Петра из Воронежа мы узнаем, как Петр вникал в дело строительства флота, интересовался ходом работ. В письме к Тихону Никитичу Стрешневу (боярину, начальнику Разряда) от 6 марта 1696 г. Петр писал:

«Письмо твое, от 2 дни писанное, мне в 5 день отдано, в котором пишешь, что бревен ясеневых здесь нет, а есть в засеке, и подводы по них послать ли? И ты изволь подводы послать, не мешкав; а те бревна зело нужны; да и кривули, которыя там осталися тож вели немедленно прислать... По приказу Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой.

Piter

С Воронежа, марта в 6 день»[1].

В письме Петра от 23 марта к Ф. Ю. Ромодановскому читаем:

«а о здешнем возвещаю что галеры и иныя суда, по указу вашему, строятся; да нынче же зачали делать на прошлых неделях два галиаса... А что впредь станет делаться, писать буду. С Воронежа, марта 23 дня. Piter»[2].

[1] «Письма и бумаги императора Петра великого», т. I, СПБ, 1887, стр. 54.

[2] Там же, стр. 55.

К концу марта 1696 г. работы по строительству флота уже были близки к концу. В письме от 23 марта на имя Т. Н. Стрешнева Петр сообщал о жестоких морозах, которые заставили даже его прекратить на несколько дней строительные работы:

«Письмо ваше, марта 18 писанное, мне в 22 день отдано, в котором изволил ваша милость о адмирале и адмиралтейце писать, за что благодарствую. Здесь, слава Богу, все здорово, и суды делаются без мешкоты; только после великого дождя был великий мороз так крепкий, что вновь реки стали, за которым морозом дней с пять не работали; а ныне три дни как тепло стало»[1].

Вскоре основные работы по строительству флота были закончены. Россия получила флот, состоящий из двух кораблей (корабли нередко называли галеасами, что, кстати сказать, неправильно, или прамами)[2], 23 галер, или каторг и 4 брандеров. Первый корабль, «Апостол Петр», имел длину в 113 футов, ширину в 25 футов, другой корабль, «Апостол Павел», имел длину в 98 футов, ширину в 30 футов. Каждый из них был вооружен 36 пушками.

Что касается галер, то общее представление о них могут дать сведения о галере Лефорта, которая была выписана из Голландии и послужила, как отмечалось, образцом для строительства галер русского флота. Эта голландская галера имела наибольшую длину около 125 футов, наибольшую ширину около 30 футов и была снабжена 28 веслами. На галере находилось 3 медных пушки. Экипаж га-

---

[1] «Письма и бумаги императора Петра великого», т. I, СПБ, 1887, стр. 56.

[2] Галеас — боевой корабль типа большой галеры XVI—XVII вв. с тремя мачтами и тремя парусами, вооруженный пушками разного калибра. Прам — плоскодонное военное судно с мощной артиллерией, предназначенное для действий против береговых укреплений и при осадах приморских крепостей.

леры составлял 133 человека. Конечно, галеры, законченные строительством в Воронеже, были разных размеров и не копировали каждая точно галеру, полученную из Голландии. Углубление галер было не менее 7 футов.

Своей резиденцией Петр избрал галеру «Принципиум». Матросами ее являлись, повидимому, солдаты Преображенского полка. «Кумандиром» галеры был Иван Алексеевич Головин, боцманом числился Г. Меньшиков. Всего на галере находилось 27 матросов, 72 солдата и урядника. Бомбардирами являлись бомбардиры того же Преображенского полка.

Для флота было выписано специально 11 иностранных «лекарей», которые и прибыли в Воронеж в начале апреля.

Уже с 1 апреля сконцентрированные в Воронеже войска начали погрузку на будары[1] и струги орудий, пороха, свинца, ядер, бомб, хлебных запасов и т. д. 2 апреля 1696 г. в торжественной обстановке в Воронеже было спущено на воду 3 галеры: «Принципиум» (ее называли также «Его величества», «Кумандера»), «Святой Марк» и «Святой Матвей». 7 апреля повалил снег и наступили сильные холода. Как только спала непогода, начался спуск остальных галер.

23 апреля 1696 г. крупная транспортная флотилия начала свой спуск по Дону с войсками и припасами. 26 апреля спустили на воду корабль «Апостол Петр», хотя при спуске его окончательная постройка еще не была закончена и вместе с ним к Азову

[1] Будара (бударка) — небольшое ловецкое судно с сильно заостренной носовой частью с большим уклоном вперед. Поднимает груз до 0,5 тонны. Бударами именовались также лодки на р. Урал и нижнем плесе Волги (К. И. Самойлов — «Морской словарь». Том первый, Военмориздат, М—Л. 1939).

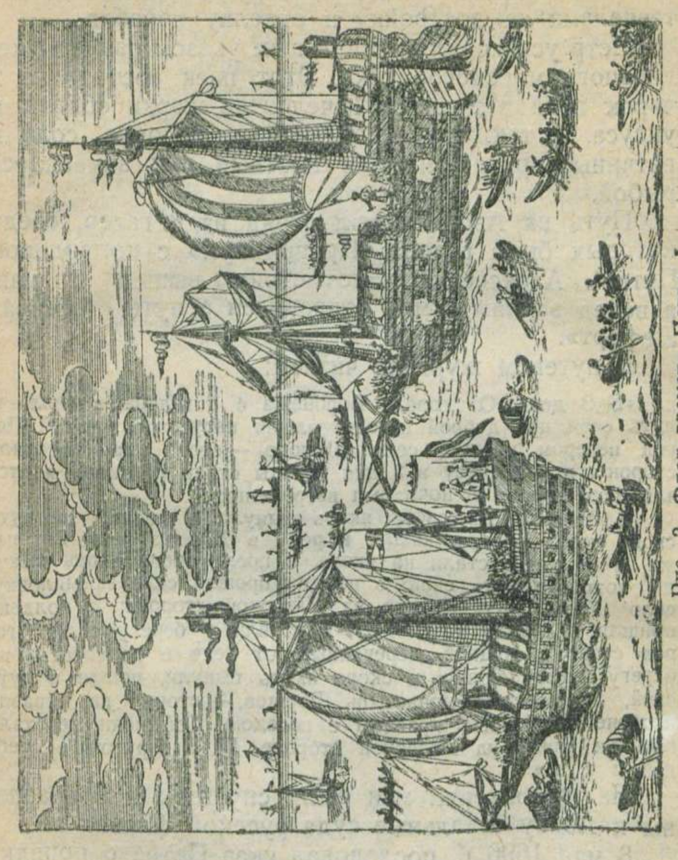

Рис. 3. Флот времени Петра I

было направлено несколько стругов с лесными материалами на достройку и отделку корабля.

Петр установил специальным указом размер ежедневного морского пайка. Этот паек состоял из 2 чарок вина в день на 1 человека, чарки сбитню и уксуса, а также сухарей, крупы, толокна, соли и ветчины, причем мясо в постные дни заменялось рыбой.

Путь на Азов открыл отряд из 8 галер, среди которых была галера «Принципиум» с командиром Петром Алексеевым. Этот отряд вышел 3 мая, а вслед за ним 4 мая отправился в путь «Адмирал Лефорт».

В путевом журнале читаем:

«В 3 день. От города Воронежа с 8 галерами пошли в путь свой при доброй погоде; плыли парусом и греблей. Перед вечером прошли село Шилово, — стоит на нагорной стороне; в ночи часу в 3 дня погоды стали на якоре и стояли всю ночь; а в ночи был ветр велик.

В 4 день. На свету якорь вынули и пошли в путь свой; перед обедом вошли в реку в Дон из реки Воронежа, и на устье стали на якоре, и после обеда якорь вынули, пошли в путь свой; в полдни прошли село Гремяловку, село Лупиловку, — стоят на Нагорной стороне; с полдень пришли к городу Костенску, и стояли у берегу с час; город стоит в лощине, деревянный, от реки с полверсты, на берегу пустая башня; и скоро якорь вынули, пошли в путь свой, и проехали монастырь Борщев, — стоит на правой стороне. День был красный с погодою. Той ночи проехали городок Урыв, на Нагорной стороне. Шли парусом и греблей и т. д.»

На протяжении мая были спущены и отправлены к Азову остальные суда русской флотилии.

8 мая 1696 г. последовал указ Петра о порядке морской службы по галерам. Указ предусматривал, что если начальник флота, увидев неприятеля, выбросит красный флаг, то все без исключения капитаны должны срочно подготовиться к бою под

страхом смертной казни. Петр угрожал смертью и тем, кто бросил бы на произвол судьбы своего товарища в бою с врагом, не подал бы помощи бедствующей галере.

В путевом журнале находим следующую запись о прибытии в Черкасск:

«В 15 день. Во 2 часу дни прошли городок Берсегенев, — стоит на правой стороне, да проехали городок Батай, — стоит на правой стороне на островах с Черкаским; в 5 часу прошли городок Маныч, да речку Манačу, — впала в Дон с левой стороны. День был красный с погодой и шли парусом. С полдень во 2 часу приехали к городу Черкаскому 4 галерами и стали на якоре один по одному и была стрельба пушечная с галер, из города Черкаскаго, и из мелкаго ружья и ночевали»[1].

18 мая 1696 г. Петр с отрядом галер пришел в Ново-Сергиевск, причем к галерам была присоединена зимовавшая в Черкасске турецкая галера, отбитая у турок во время похода 1695 г. Ночью 18 мая в Черкасск прибыл станичный атаман донских казаков Леонтий Поздеев, который сообщил, что за 3 дня до этого войсковой атаман Фрол Минаев послал его и 250 казаков в низовья Дона для действий против неприятеля. Казаки двое суток простояли на взморье, а на третьи сутки увидев 2 турецких корабля, немедля окружили корабли своими лодками и бросились на абордаж[2]. Высокие борты кораблей помешали казакам проникнуть на палубу,

---

[1] Во время азовского похода Петру 1 принесли кусок каменного угля, добытый на Дону. Пророчески прозвучали слова Петра: «Сей минерал, если не нам, то нашим потомкам полезен будет» (цит. по статье Л. А. Тарасевича — «Научное движение в России в первой половине XIX века», История России в XIX веке, том 6, СПБ).

[2] Абордаж — одно из средств морского боя во времена гребного и парусного флотов, когда корабль сцепляется вплотную с кораблем противника с целью овладеть им в рукопашной схватке («Военная энциклопедия», т. I, 1911 г., стр. 29).

хотя казаки бросали в турок гранаты, стреляли из ружей и пытались прорубить корабли топорами. Не взяв кораблей, казаки отступили, потеряв 4 человек ранеными. Турецкие же корабли остались стоять в море недалеко от устьев Дона.

Вечером 19 мая 40 казачьих лодок (по 20 человек в каждой), под начальством Фрола Минаева, пошли по Каланче в море. За лодками следовал отряд из 9 галер, под командой Петра. На этих галерах были размещены солдаты одного из пехотных полков, которыми командовал Гордон.

Северный ветер согнал воду. Проникнуть в море по рукаву Каланчи, носившему название Кривой Кутерьмы, не удалось. Ночью отряд пошел к морю по другому рукаву — Прямой Кутерьме, но, не доходя устьев, сел на якоря из-за того же недостатка воды.

Горя нетерпением, Петр вышел в море на казачьих лодках. В море находилось 13 турецких кораблей. Атаковать их казачьими лодками было нельзя. Оставив казаков в устьях Кутюрьмы, Петр раздосадованный возвратился в шлюпке в Новосергиевск.

Тем временем казаки не дремали. Они продолжали вести пристальное наблюдение над турецкими кораблями. Когда вечером 20 мая 13 турецких тумбасов, действовавших под прикрытием 11 ушколов, подошли к Азову, груженые снарядами, оружием, съестными запасами, сукном и др., сидевшие в засаде, казаки напали на турецкие суда в своих лодках.

Казаки захватили 10 тумбасов и, освободив их от груза, 9 из них сожгли. Турецкий флот срочно снялся с якоря. При этом два корабля не смогли развернуть парусов. Один из них потопили сами турки, а другой был сожжен донскими казаками.

Петровские галеры и Новосергиевские укрепления приветствовали пушечными выстрелами смелые действия и победу донских казаков.

Петр в письме на имя А. А. Виниуса от 31 мая 1696 г. так описывал эти события:

«Сего месяца в 15 день приехали мы в Черкаской и стояли два дня; и собрався с галерами, также и на Турскую, что взята, посадя людей, пошли в 18 числе к каланчам в 9 галерах и пришли того же дни часу во 2 ночи к каланчам. И наутрея пошли на море, при чем и казаков было несколько лоток; и той ночи и утрее за малиной устья пройтить было невозможно, потому ветер был северной и воду всю в море сбил; однако ж, увидев неприятельских судов, в мелких судах на море вышли. А неприятель из кораблей, которых было 13, выгружеся в 13 тунбас, для которых в провожанье было 11 ушколов, и как неприятель поровнялись с Каланчинским устем, и наши на них ударили и помощию Божиею оныя суды розбили, из которых 10 тунбасов взяли и из тех 9 сожгли; а корабли, то видя, 11 ушли, а 2 — один утопили сами, и то без всякаго запасу. На тех тунбасах взято: 300 бомбов великих, пудов по пяти, 500 копей, 5000 гранат, 86 бочек пороху, 26 человек языков и много всякого припасу: муки, пшена, уксусу ренского, бекмесу, масла деревянного, а больше сукон и рухляди многое число; и все, что к ним на жалованье и на сиденье прислано, все нашим в руки досталось. Петр. С моря, маия 31 дня»[1].

27 мая, ранним утром, русский флот прошел по Прямой Кутюрьме к гирлу Кривой Кутерьмы (она получила впоследствии название Переволоки) и вышел в море.

Азовское море встретило русский флот неприветливо. Бушевал сильный ветер. Вода прибывала, залила острова, на одном из которых расположился лагерь Гордона. Некоторые отряды солдат пришлось погрузить на корабли. Тем не менее, русские суда расположились поперек залива (ныне Таганрогский

[1] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I, СПБ, 1887, стр. 69—70.

залив) и закрыли все пути к Азову. Русский флот был готов сразиться с флотом неприятеля.[1]

Петр возвратился к Азову для руководства действиями на суше. Взятые в плен турки показали, что власти азовского гарнизона с нетерпением ожидают прибытия подкреплений и припасов на многочисленных судах турецкого флота.

Действительно, 14 июня 1696 г. на горизонте замаячили паруса турецких судов. Вскоре 6 вражеских кораблей и 17 галер бросили якоря и стали на виду русского флота, не решаясь подойти ближе.

Торжествующий Петр писал в Москву Ф. Ю. Ромодановскому:

«Доношу, что сего месяца 14 дня прислан к Азову на помочь Анатолский Турночи баша с флотом, в котором обретаются 3 каторги, 6 кораблей, 14 фуркатов да несколько мелких судов, который намерен был в Азов пройтить; но, увидя нас, холопей ваших, принужден намерение свое отставить; и стоит вышепомянутый баша в виду от нашего каравана и смотрит, что над городом делается» (Письмо от 23 июня 1696 г.; «Письма», том I, стр. 74).

На судах турецкой флотилии находился крупный десант, общим количеством в 4 тыс. человек.

Долго колебался турецкий адмирал, прежде чем решился приступить к высадке десанта. Только 28 июня 24 гребных суда с участниками десанта сделали попытку направиться к берегу. Полные решимости дать сражение в море туркам, русские галеры начали сниматься с якорей, готовясь ударить на врага. Турецкий адмирал дал распоряжение поставить паруса и ушел вместе со своей флотилией в море. Больше турки так и не посмели предпринять каких-либо решительных действий со стороны моря.

---

[1] В помощь флоту Петр велел Гордону заложить недалеко от устья Дона земляную крепость. Уже через 10 дней была готова не только эта крепость, но и еще одна крепость, стоявшая на противоположном берегу Дона.

Русский флот сыграл свою роль, преградил дорогу турецким судам к Азову.

Уже с конца мая началась осада Азова с суши. Первыми подступили к Азову полки Белгородского разряда, в составе 10 тыс. человек под командованием генерал-майора Карла Ригемана и отряд донских казаков—400 человек под командой походного атамана Лукьяна Савинова. Полки Ригемана расположились там, где в 1695 г. был раскинут лагерь Лефорта, а донские казаки заняли позиции на левом фланге лагеря, примыкавшем к Дону.

Турки сделали было попытку вылазкой помешать казакам занять свои позиции, но донские казаки быстро отбили неприятеля. Следует заметить, что опьяненные успехом обороны Азова в 1695 г. и нисколько не сомневаясь в том, что Петр не решится через столь короткое время появиться со своей армией вновь под стенами Азова, турецкие власти даже не позаботились дополнительно укрепить крепость. Турки ограничились лишь возобновлением главнейших укрепленных пунктов, получивших повреждение во время осады 1695 г. и даже не подумали о том, чтобы засыпать и срыть насыпи, возведенные русской армией под Азовом во время первого похода.

В начале июня к Азову подошли солдатские и стрелецкие полки дивизии генерала Гордона и заняли правый фланг. В центре стали силы генерала Головина. Здесь же находился генералиссимус русской армии — боярин Шеин. 7 июня Шеин отдал по всем полкам приказ: «чинить над Турским городом Азовом всякий промысл днем и ночью, вести шанцы, в шанцах делать раскаты, а на раскатах ставить большие пушки, галанки, мозжеры и полковыя пищали».

Под Азовом стали показываться со стороны

степи татары, но русские успели быстро укрепить свои позиции. 10 июня на рассвете отряд в составе 1000 татар незаметно приблизился к русскому лагерю. Однако, попытка внезапно напасть на русских не удалась. Татары были замечены. Русская конница обратила татар в беспорядочное бегство и преследовала их на протяжении 10 верст, до самого Кагальника. Сам Нареддин-султан едва спасся бегством, будучи ранен стрелою, пущенной в него молодым калмыком Дигилеем. Потери русских были незначительны.

Взятые в плен татары, в том числе молочный брат Нареддин-султана Бек-Мурза-Чурубаш и др., показали, что на помощь Азову идет крупный турецкий флот. Сведения эти вскоре подтвердились. Как мы уже знаем, 14 июня действительно показалась турецкая флотилия, которая долго простояла, занимая выжидательные позиции, а затем сделала неудачную попытку высадить десант.

Все это время Петр жил на море, на своей галере «Принципиум». Отсюда он давал распоряжения по осаде Азова. Отсюда же он навещал русский лагерь на суше, причем, как и в первом походе, Петр вел себя с исключительным мужеством и бесстрашием. Всюду можно было видеть Петра: то в траншеях, то у орудий.

Как всегда, шутливо отвечал Петр тем, кто обращал его внимание на необходимость беречь себя от вражеской пули. Так, в письме к царевне, Наталье Алексеевне, писанном во второй половине июня 1696 г., читаем:

«Сестрица, здравствуй! А я слава Богу, здоров. По письму твоему я к ядрам и пулькам близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили; однако хотя и ходят, только по ся поры вежливо. Турки на помочь пришли, да к нам нейдут; а чаю, что желают нас к себе».

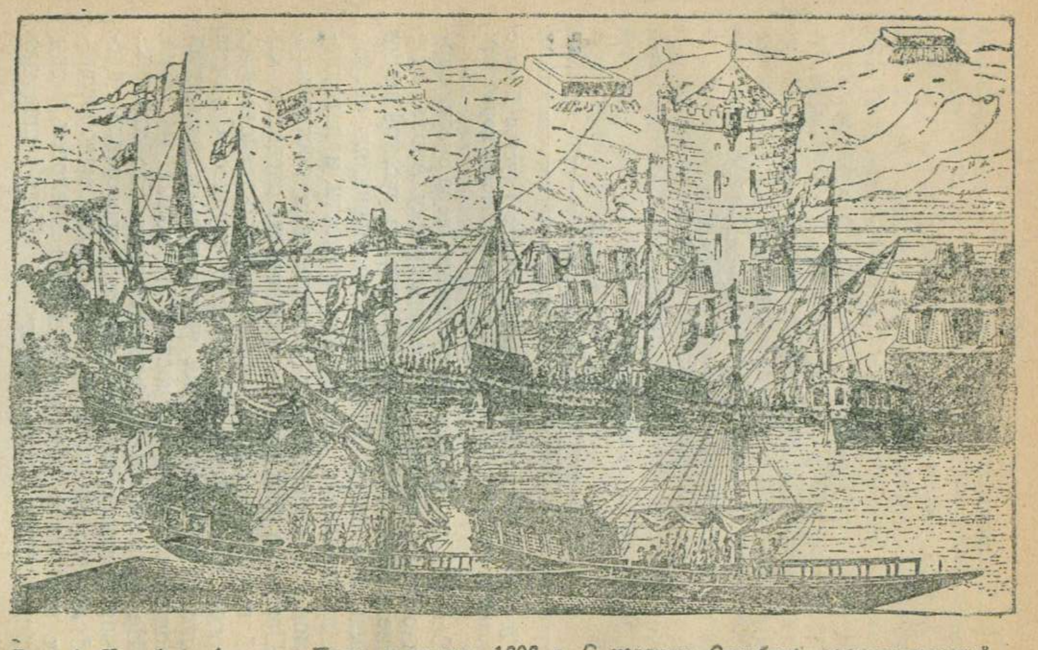

Рис. 4. Корабль «Апостол Петр» и галеры 1696 г. С картины Схонбека, представляющей Взятие Азова. Москва 1696 г.

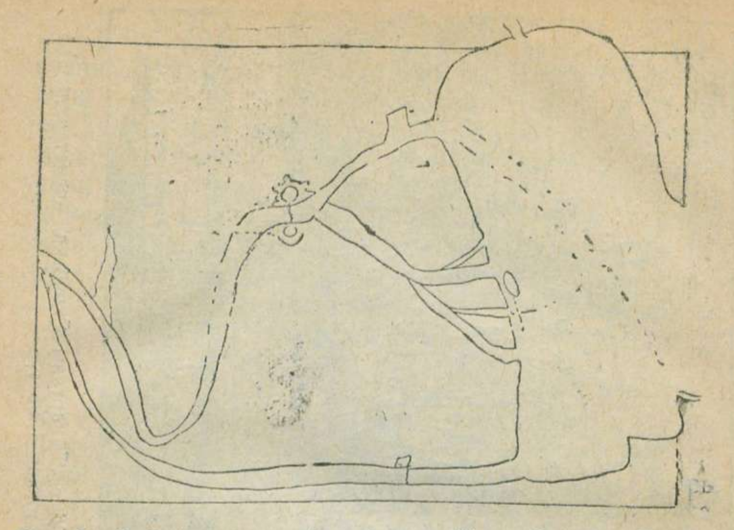

Рис. 5. Собственноручный набросок Петра I (устья Дона с Азовской крепостью, Азовское море, путь движения кораблей).

Вечером 16 июня в присутствии Петра русская армия открыла жестокую бомбардировку Азова. Усиление и более тщательная подготовка русской армии давали себя знать. Русский огонь причинял жестокие повреждения Азовской крепости и находившимся за крепостными укреплениями постройкам.

Правда, турки еще не осознавали, очевидно, со всей полнотой, что на этот раз противодействовать русской армии им будет гораздо труднее. От огня русской артиллерии турки укрывались в землянках и попрежнему делали частые вылазки.

Не унимался и Нареддин-султан. Его конница, улучая каждый удобный момент, тревожила русский лагерь. 18 июня прибыли полки малороссийских казаков в количестве 15 000 человек, под командованием Якова Лизогуба. Петр приказал

малороссийским казакам занять позиции на левом фланге со стороны степи, за чертой вала. Казаки много раз успешно отбивали нападения татар и наносили им жестокие поражения в рукопашных схватках. Все же сказывалась недостаточно хорошая организация сторожевой службы, почему, несмотря на свои неудачи, Нареддин-султан все же ухитрялся подходить незаметно к русскому лагерю и в свою очередь наносить ощутительный урон силам русских. Жизнь каждый раз сурово мстила за отсталость в военной технике, недостаточную выучку, плохую организацию. Был случай, когда 24 июня ратная конница, храбро отбив яростное нападение татар во главе с Нареддин-султаном, бросилась преследовать их по старым, дедовским обычаям — «кто во что горазд». В результате, русская конница, которая гнала татар много верст подряд, все же потеряла больше пленных, нежели разбитые русской конницей татары.

Командование русской армии предложило туркам сдать Азов, обещая неприкосновенность гарнизона, угрожая туркам, в случае отказа штурмом и приводя в пример судьбу Казикерменской крепости на Днепре. Гарнизон этой крепости отказался сдаться, а затем просил о сдаче тогда, когда русские солдаты приступом взяли крепость и в пылу жестокого сражения нещадно уничтожали неприятеля.

Однако, командование Азовской крепостью ответило на предложение сдаться отказом и пушечными выстрелами.

Командиры русской армии усиленно обсуждали, как следует вести дальнейшую осаду крепости. Прошлогодние подкопы показали, что они едва ли приведут к желанной цели при отсутствии достаточной опытности в инженерном искусстве. Прав-

да, 25 июня под Азов прибыли немецкие специалисты — инженеры и «огнестрельные художники», но они были больше обучены искусству метания бомб, нежели технике подземных работ.

С своей стороны солдаты и стрельцы предлагали, в своих беседах с командирами, возвести высокий земляной вал, приблизить его к валу Азовской крепости, засыпать крепостной ров, после чего овладеть крепостными стенами. Хотя совет этот не отличался новизной (такой прием осады применялся уже с далекой древности), русское командование приняло его. В ночь на 23 июня было начато сооружение гигантской земляной насыпи, причем вся работа велась под огнем неприятеля. Работали посменно. В каждой смене было занято примерно 15 000 человек. Гордон быстро составил проект сооружения вала, который своей высотой превышал бы высоту азовских крепостных стен и имел бы выходы для вылазок русских, а также места для установки батарей, чтобы с наружной стороны вала могла вестись стрельба по каменным укреплениям Азова.

Упорно, энергично, с огромным трудолюбием возводили солдаты русской армии огромный вал. Каждое утро могли видеть турки, как неуклюнно вырастала за ночь земляная насыпь. Вскоре этот вал настолько приблизился к валам Азовской крепости, что часто начинались рукопашные схватки между русскими солдатами и турецкими янычарами.

Потери убитыми и ранеными не останавливали успешного хода земляных работ. 11 июля под Азов прибыли, наконец, французские и итальянские инженеры, минеры и артиллеристы, которые по ряду причин выехали с опозданием и находились в пути очень долго. Иностранные специалисты крайне удивлялись размерам возведенного русскими

вала, но наряду с этим они считали, что значение такого вала переоценено русским командованием и что гораздо больше надежд следует возлагать на искусные подкопы и меткий артиллерийский огонь.

Энергично принялись русские солдаты и за устройство подкопов. Иностранные специалисты помогли установить более меткую и сокрушительную бомбардировку азовской крепости. Быстро удалось, в частности, разрушить палисады в угловом больверке, который усиленно бомбардировал Гордон.

Положение турок ухудшалось с каждым днем, с каждым часом.

Исход дела был ускорен героизмом запорожских и донских казаков. Казаки, привыкшие к быстрым военным действиям, смелым вылазкам, крайне тяготились медленным ходом осады. К тому же к середине июля казаки стали испытывать затруднения с продовольствием. После обсуждения вопроса между Яковом Лизогубом и Фролом Минаевым, ими было решено повести казаков на штурм крепости.

17 июля до 2 000 казаков, быстро и неожиданно взойдя на земляной вал, сбили оттуда турок и проникли внутрь крепости. Казаки едва-едва не ворвались по пятам отступавшего неприятеля в каменную цитадель крепости. Туркам с большим трудом удалось отбить казаков сильным ружейным огнем, причем то обстоятельство, что турки стреляли разрубленными ефимками (серебряными монетами) показывало, что неприятель испытывает сильный недостаток в свинце. Сохранились известия, что если бы казаки своевременно получили помощь со стороны солдат и стрельцов, то судьба Азовской крепости была бы решена в тот же

день. Однако, смелые действия казаков были столь неожиданны и все произошло столь быстро, что помощь подана не была, и казаки были вынуждены возвратиться обратно на вал, где и засели в угловом бастионе[1].

Собрав крупные силы, турки бросились на засевших на валу казаков. В жестоком и горячем шестичасовом бою казаки, подкрепленные пехотой, отбили турок, отогнали их вновь к каменной цитадели и остались на валу. Из бастиона казаки вывезли 4 пушки, отправив к Петру есаула с сообщением, что азовская валовая стена взята казаками.

Поведение и действия русских солдат и казаков во время осады турецкого Азова лишний раз подтверждают высокие боевые качества, мужество и смелость русской армии, напоминая о словах Фридриха Энгельса: «русские солдаты являются одними из самых храбрых в Европе»[2].

В «Древней Российской Вифлиофике», издававшейся Новиковым, читаем следующее описание действий казаков, со слов современника:

«Сказание о взятии города Азова написано аще через почту, лета 7204 году[3].

---

[1] Броневский в своей истории донского казачества сообщает, что до 1804 г. казаки Бессергеневской станицы бережно сохраняли дубовый домик «построенный иждивением великого царя и пожалованный им бедной вдове убитого под Азовом казака». (Броневский Владимир — История донского войска. Описание донской земли, чч. 1—3, СПБ, 1834).

[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. X, стр. 650.

[3] В России после распространения христианства установилось византийское летоисчисление. Счет годам вели от «сотворения мира», причем это легендарное событие было отнесено ко времени 5509 г. до н. эры. С конца XV в. по 1700 г. летоисчисление в Московском государстве велось в сентябрьских годах, т. е. каждый год начинался с сентября. В XVII в. при указании года обычно опускалась цифра тысяча. Следовательно 204 г. равнозначен 1696 г.

По отпуску почты июля в 17 день во весь день было тихо, молчали все, ждали ежечасно подкопу и приступу и за 2 часа донские казаки десять знамен и тысячу пятьсот человек взошли на азовский землянный вал, а турков, которые на валу стояли, отбив из мушкетов, тесня и в город гоня, к ним же в помощь донских козаков небольшое число с атаманом подошло, изжили турков с той стороны валовую стену, а отбив вал, подались за ними и в городе шествовать. Но видя, егда ни с которой стороны помощи нет, выдали одних, понудились козаки назад на турецкий вал, где взяли 6 пушек больших, прикованных на чепях и утвержденных стаями глубоко в землю, так едва взмогли воротами те пушки вытащить, если козаки на валу обозом и с час погодив еще турки с великим напуском на них привезли, где козаков несколько, а многие поранены, не могли турки сбить их с валу, сходили на вал свежие люди, и крепясь козаки погнались за турками в землянной вал к каменскому городу, где была не малая битва, стреляли уже турки по козакам города и со стен из пушек ефимками[1] и золотыми, а из фузей сеченными ефимками, которые козаки для запаски к шатру приносили, и о всем том известно, истинная быль, темная ночь разорвала собою, если козаки по прежнему на валу, помочи им козакам к тому удобному делу приступу, сказывают, как слух зде носятся, не было для того из большого обозу, что они козаки пошли на вал своевольно без указу, не согласясь с московскими войсками, а иные поговаривают, что в московском войске

[1] Ефимок — вообще русское название талера, бывшее в употреблении до половины XVIII ст. Ефимками же назывались талеры, на которых по повелению Алексея Михайловича ставились клейма с русским гербом в 1665 г.

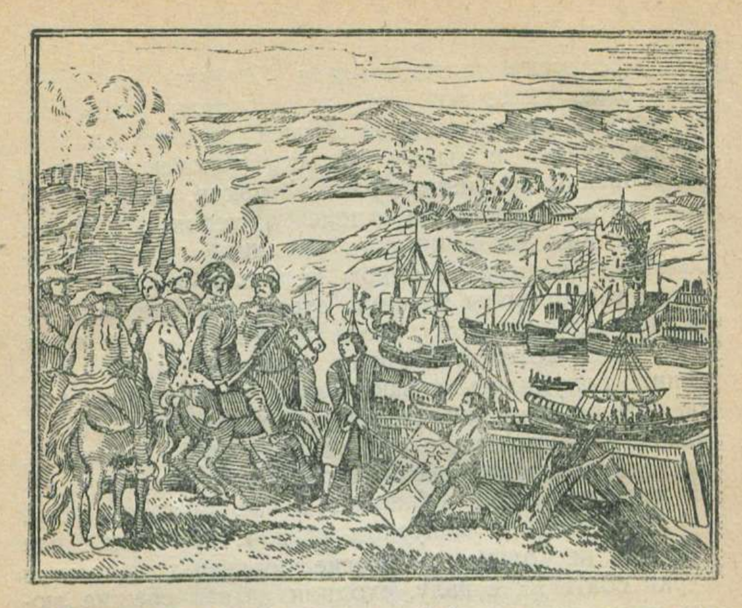

Рис. 6. Взятие Азова (старин. рис.). Видна крепость с ее укреплениями. На море—русский флот, обстреливающий крепость из орудий. В центре—Петр I и боярин Шеин, рассматривающие план крепости Азова.

люди к приступу были не готовы, а черкассы с себя пеню сваливают, не могли да мы дождаться от шатра указу, когда нам итти к приступу, а гуляем де с лишком две недели даром, а многие из них гладом тают, истинно де многие мылостыни просили, для того не дождався указу и пошли на приступ собою. Прислали Черкассы ко многочестнейшему командиру Сеунга есаула, что валовую стену взяли, и на ней зело похваленье, и есаул подчивал».[1]

[1] См. Н. Новиков. — «Древняя Российская Вифлиофика», изд. II, ч. XVI.

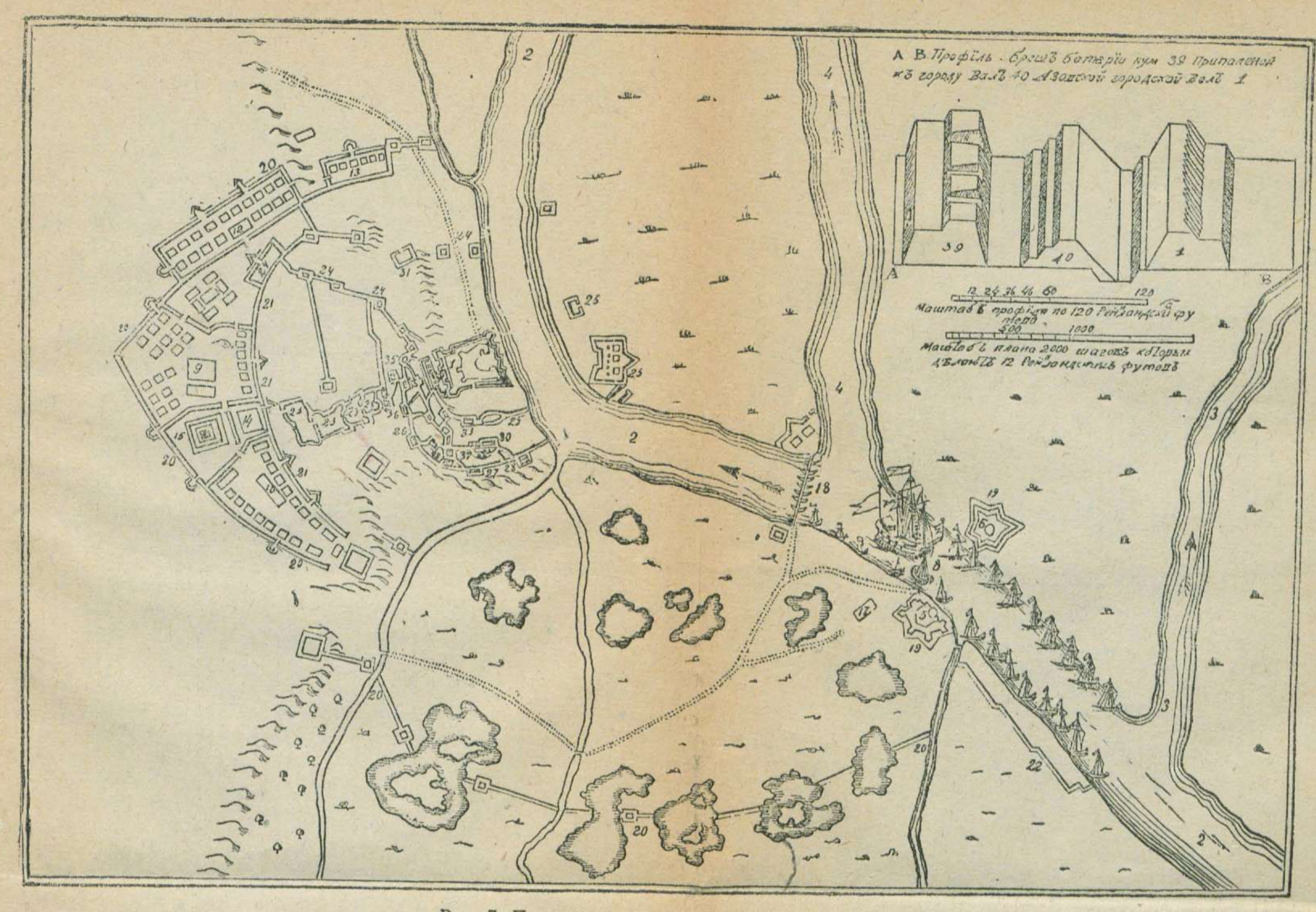
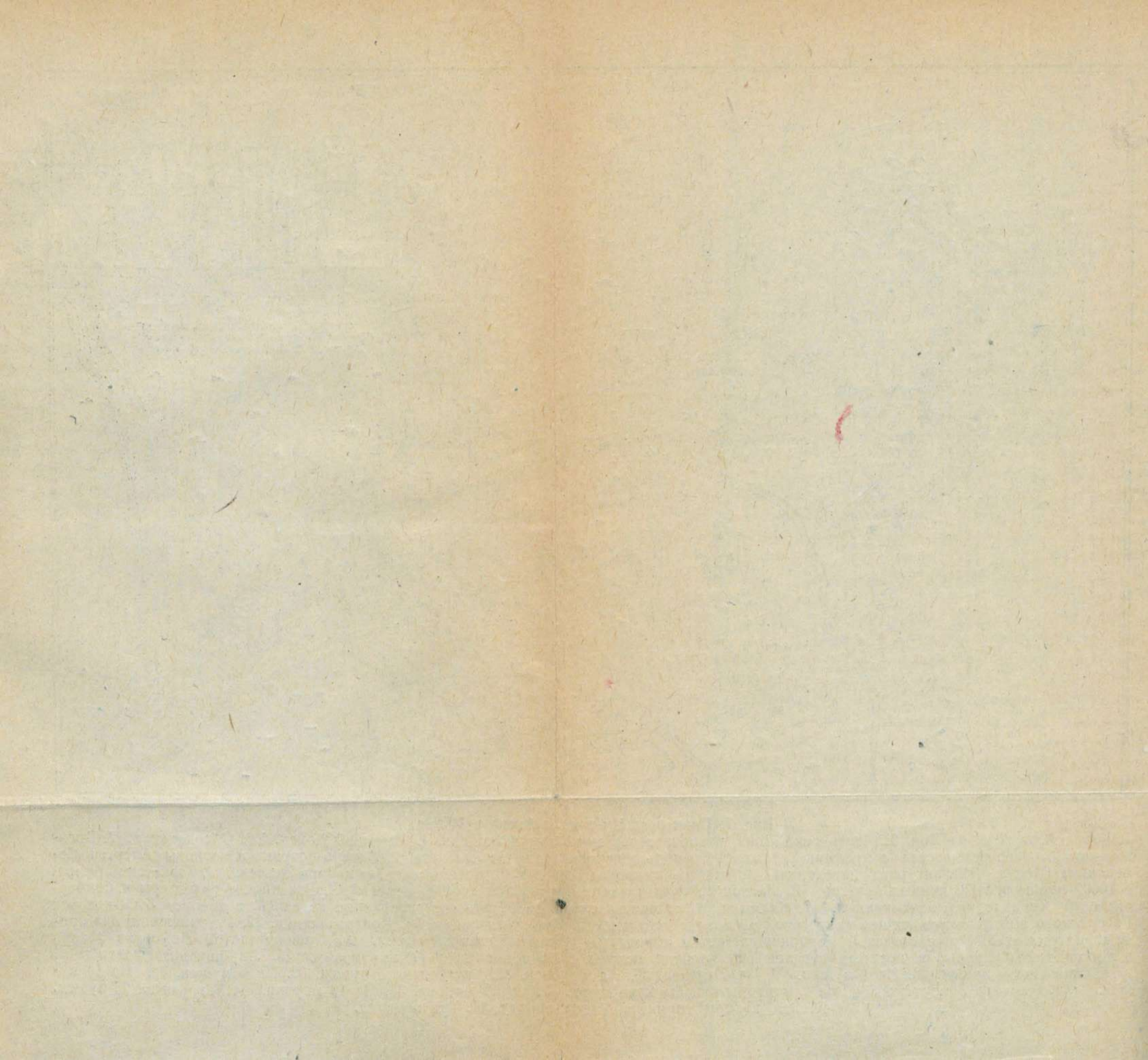

Рис. 7. План осады и взятия Азова в 1696 г.

1. Город Азов. 2. Река Дон. 3. Часть реки Дона, которая течет мимо замка Лютика. 4. Меньшой Донец. 5,6. Обе каланчи. 7. Военный корабль его величества с прочими судами. 8. Корабль генерала адмирала Лефорта. 9. Лагерь боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина. (Инфантерия, кавалерия). 10. Лагерь генерала Гордона. 11. Лагерь генерала майора Рихмана. 12. Черкасский гетман с 10000 пеших и 6000 конных казаков. 13. Лагерь донских казаков, состоящий из 4000 пехоты. 14. Российские гранодеры и бомбардиры. 15 Артиллерия. 16. Амуниция. 17. Калмыки. 18. Мост на судах. 19. Наружное укрепление каланчей, в котором 3000 человек Российского войска в прошедшем году город в блокаде держали. 20. Циркумваллация. 21. Контрваллация. 22. Ретраншемент для прикрытия судов. 23. Прошлогодской Гордонов лагерь и апроши до прибытия главной армии. 24. Прошлогодской Лефортов лагерь и апроши. 25. Шанцы, в которых стояло 1800 человек пехоты с 12 пушками с 17 мортирами. 26. Апроши нынешнего года. 27. Батареи на 5 пушек. 28. На 4 пушки. 29. На 5 пушек. 30. На 6 пушек. 31. Батарея на 8 пушек. 32. На 4 пушки. 33. На 14 пушек. 34. Кессель на 3 мортиры. 35. На 2 мортиры. 36. На 2 мортиры. 37. На 15 мортир. 38. На 12 мортир. 39. Батарея на 25 пушек. 40. Вал, который привален был к городу. 41. Три подкопа.

Активные действия донских казаков, наличие со стороны русской армии твердой решимости овладеть на этот раз азовской крепостью, присутствие русского флота, блокировавшего крепость и со стороны моря решили участь турецкого Азова.

Штурм Азова казаками еще более поднял боевой дух русской армии. Петр отдал приказ готовиться к решительному штурму крепости, но его уже не понадобилось. 18 июля 1696 г., в полдень, как только русские открыли сильный огонь из своих батарей по крепостному парапету, открылись ворота азовской крепости. Из них вышел махавший шапкой старик-турок Кегай-Мустафа Карыбердеев.

Посланник направился к месту расположения лагеря генерала Головина, чтобы передать ему письмо на имя главнокомандующего русской армии Шеина. Турки сообщали, что они согласны сдаться на тех условиях, какие были указаны в послании русского командования, пущенном в азовскую крепость на стреле. Турецкое командование просило лишь о том, чтобы в Азов было направлено вновь такое же письмо и при этом скрепленное боярской печатью. Кегай-Мустафа устно особенно просил согласия русского командования на то, чтобы выпустить турок с женами и детьми.

Шеин немедленно направил в Азов письмо с печатью, которое и было доставлено донским казаком Самариным. Русское командование подтверждало ранее данное обещание пощадить турок и разрешить им с семьями свободный выход из Азова.

Вскоре в лагерь русских явился турецкий военачальник бей Гассан Арасланов для уточнения условий сдачи. Договорились быстро. Азов переходил в руки русских со всеми его орудиями и боевыми припасами. Туркам разрешалось покинуть Азов в полном личном вооружении со своими семья-

ми и имуществом. Русское командование согласилось также перевезти турок на русских судах до устьев Кагальника. Турки освобождали всех пленников, а также выдавали бежавших в Азов «охреян», или раскольников, если они еще не приняли магометанства.

Возник лишь горячий спор о судьбе предателя Янсена. Турецкое командование доказывало, что Янсен перешел в магометанство, состоит в рядах турецких янычар и потому не подлежит выдаче. Петр, однако, обязал Шеина безоговорочно настоять на выдаче Янсена. Шеин пригрозил прервать мирные переговоры и возобновить штурм крепости. Турки пошли на уступки. Янсен был доставлен связанным в русский лагерь. Вместе с ним были доставлены и несколько человек перебежчиков-раскольников. Янсена заковали в кандалы для отправки в Москву (где он и был казнен), а раскольников направили на казнь в Черкаск.

Пока шли переговоры, стемнело. Для сдачи и принятия Азова был назначен следующий день. Бей Гассан Арасланов остался в русском лагере в качестве аманата (заложника).

Утром 19 июля 8 русских полков выстроилось в 2 ряда, начиная от выходивших к берегу крепостных ворот и вплоть до самого Дона. На реке стояли струги и две галеры для перевозки сдавшихся турок к устьям Кагальника. Из крепости вышло 3 000 вооруженных турок. Очевидно все еще не надеясь на великодушие победителей, часть из них с криками и в беспорядке ринулась к стругам, а часть — в направлении к степи. Лишь один бей Гассан Арасланов сохранял спокойствие военачальника; его сопровождали высшие военные чины азовского гарнизона. Под развевающимися знаменами дошел бей, прикрываемый сотней рус-

ских солдат, до берега Дона, где его встретил главнокомандующий русской армии боярин Шеин со своей свитой. 16 турецких знамен склонились перед Шеином. Бей Гассан Арасланов вручил Шеину городские ключи и принес благодарность за честное выполнение русскими обещанных условий сдачи.

Пока турки отправлялись вниз по Дону к Кагальнику на приготовленных для этой цели судах, русские полки вступили через земляной вал в крепость. Большинство азовских строений представляло развалины. Всюду были видны следы русской бомбардировки, так что создавалось впечатление, «как будто город несколько столетий лежал в запустении». Жители Азова во время осады отсиживали в землянках, вырытых с внутренней стороны земляного вала крепости. К русским перешли тяжелые турецкие орудия (свыше 100 пушек, дробовиков, пищалей и мортир и т. д.) и значительные запасы пороха.

После падения Азова встал вопрос о Лютикской турецкой крепостце. Гарнизон ее составлял 115 человек и имел 31 орудие. Дальнейшее сопротивление было явно бессмысленным. Крепостца капитулировала.

«Того ж дня (20 июля) здался Лютик на дискрецию. Сию крепость принял у турков стольник Иван Бахметьев с донскими козаками. Пушек найдено там 40, пороху 150 фунтов, а свинцу, также ядер больших и малых и других военных припасов большое число. Находившихся там 200 человек турков оборвали козаки и отпустили их в степь в серых кафтанах с мешками, в которые дано было им столько хлеба, чтоб степь перейти...»[1].

---

[1] Байер — «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу», СПБ, 1782 (цифры, приводимые Байером, не точны).

По занятии Азова с моря к нему приблизились суда русского флота. Став в два ряда под крепостными стенами, они дали троекратный залп, который знаменовал торжество победы русских. Этому залпу вторили ответные троекратные залпы русской армии, находившейся на суше.

В письме, посланном 20 июля 1696 г. князю Ф. Ю. Ромодановскому, Петр сообщал:

«Известно вам, государю, буди... понеже вчерашнего дня... азовцы, видя конечную тесноту, здались; а каким поведением и что чево взято, буду писать в будущей почте Изменника Якушку отдали жива.

Питер.

З галеры Принцыпиум, июля 20 дня».

В письме от того же числа на имя патриарха Адриана Петр подробно описывал ход событий:

«...Егда по повелению нашему, промыслом и усердно-радетельными труды боярина нашего и большаго полку воеводы Алексея Семеновича Шеина, Великороссийские и Малороссийские наши войска, во облежании будучие около града Азова, земляной вал к неприятельскому рву отовсюду равномерно привалили и из-за того валу ров заметив и заровняв, тем же валом через тот ров до неприятельского валу дошли и валы сообщили толь близко, еже возможно было с неприятели кроме оружия едиными руками терзатися, уже и земля за их вал метанием в город сыпалась. И сего же настоящего июля месяца 17 числа, в пяток, Малороссийские наши войска, по жребию своему в тех трудех пребывающие, при которых неотступно пребывая муж добродетели и в военных трудех искусный, гетман наказный Яков Лизогуб, обще Донского нашего войска с атаманом Фролом Миняевым и с Донскими казаки, предварили неприятельской роскат подкопать и на него мужески взойтить, и с неприятели бились довольно и тем роскатом овладели, а, дождався ночи, с того роскату четыре пушки стащили. А в 18 числе, в суботу, о полудни, неприятели Азовские сидельцы, видя войск наших крепкое на град наступление и промысл радетельной, а свою конечную погибель, замахали шапками, и знамена приклонили, и выслали для договору от себя двух человек знатных людей, и били челом, чтоб их даровать животом и отпустить с женами и

детьми; а на знак уверения и твердости в правде оставили двух человек аманатов и отдали Немчина Якушку, которой, изменя, из войск наших ушол к ним в Азов и обусурманился прошлаго году. А в 19 числе, то есть в день Воскресения Христова, часу в другом дни, азовские сидельцы боярину нашему и большаго полку воеводе Алексею Семеновичу Шеину город Азов со знамены, и с пушки, и с пороховою казною, и со всем, что в нем было припасов, отдали, а им и женам их и детям учинена свобода, и отпущены вниз рекою Доном до реки Кагалника на осмнадцати бударах. А 20 числа, по ведомостям выходцов тех Азовских сидельцов, конница их отвезла всех на корабли Турецкие, которые стояли против наших морских судов, и те их суды отступили в дальность, да и из конницы их Нагайцы все разбежались...

Писано в завоеванном нашем граде Азове, лета 1696 июля 20 дня»[1].

В Москве известие о взятии Азова встретили с огромной радостью. По приказу патриарха ударили в большой колокол.

Взятие Азова произвело большое впечатление на современников. Авторитет русского государства заграницей возрос еще более. Почти никто не предполагал, что Петр после неудачи похода 1695 г. сумеет столь быстро овладеть Азовом.

Многие недопонимали планов Петра. Иные были склонны полагать, что взятием Азова задача, поставленная Петром, разрешена. Однако, всеми своими действиями Петр показывал, что взятие Азова знаменует собой лишь первый шаг в его дальнейших действиях на юге. Уже на другой день после сдачи Азова инженер де-Лаваль получил приказ Петра срочно разработать план создания в Азове новых надежных укреплений, по всем правилам военного искусства. План этот был готов через три дня. По плану предполагалось возвести 5 ка-

---

[1] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I, (1688—1701), СПБ, 1887, стр. 93—94.

менных бастионов с равелинами на западе, с кронверком на востоке, с ретраншементом в степи на кубанской стороне. На правом берегу Дона против Азова должен быть сооружен отдельный форт. Одобрив план, Петр предписал немедля направить солдат на работу по строительству укреплений.

В то же время Петр неустанно размышлял над вопросом, где следует устроить гавань для русского флота. Место расположения Азова не нравилось Петру. Мелководье устьев Дона могло сыграть губительную роль для флота в случае военных действий. Кроме того, неприятель мог запереть устья Дона.

26 июля Петр направился на галерах к устью Дона в сопровождении высших военных чинов и инженеров. Мелководье Дона не позволило выйти галерам в море. Прождав ночь в тщетной надежде, что ветер переменится и нагонит воду, Петр утром 27 июля пересел в казачьи лодки и вышел из устьев Дона в море. Вскоре приплыли к пустынному мысу, выступавшему в Азовское море. Глубина воды оказалась здесь удовлетворительной. На мысе был родник пресной воды. После дополнительных поисков более удобного места было решено остановиться на этом мысе. Мыс имел название Таганьего Рога (это название ведет, очевидно, свое начало от татарского «каган» — треножник и «рог», как называли на Днепре отмели и песчаные косы). Петр приказал соорудить здесь крепость и гавань (ныне г. Таганрог).

Пока городовые солдаты и стрельцы были заняты в первую очередь восстановлением повреждений крепостных укреплений Азова, выборные полки с конца июля начали возвращаться в Россию. 7 августа были отпущены и малороссийские казаки, которым Петр пожаловал в награду 6 полевых

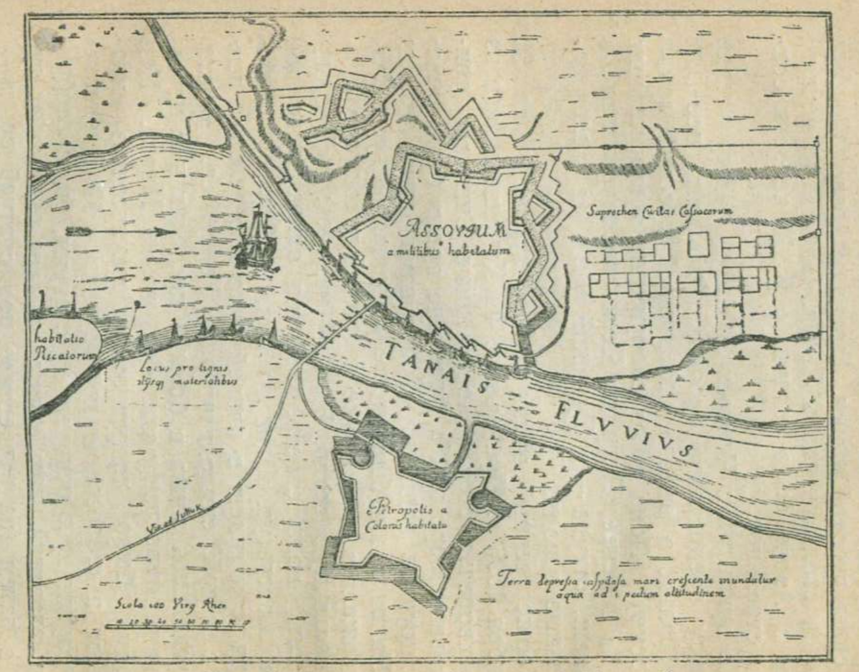

Рис. 8. План Азовской крепости Петра I,

орудий и 15 тысяч рублей, не считая богатых подарков казачьим старшинам.

16 августа из-под Азова ушли в Россию основные силы русской армии. Азовским воеводой был назначен стольник князь Львов. Под его начальством в Азове было оставлено 8 300 человек солдат и стрельцов.

По прибытии в Черкаск 20 августа Петр послал Виниусу предписание срочно подготовить все для триумфального въезда победившей русской армии в Москву. Пока шло сооружение триумфальных арок в Москве, Петр из Черкаска направился в Воронеж, оттуда — в Тульский уезд, на железоделательные заводы.

Торжественный въезд в Москву состоялся 30 сентября 1696 г. При въезде на Каменный мост из Замоскворечья стояли построенные Виниусом триумфальные ворота. На фронтоне ворот была выведена крупная надпись: «Бог с нами, никто же на ны. Никогда же бываемое». Парящая фигура Славы держала в одной руке лавровый венок, а в другой масличную ветвь. Внизу — надпись: «Достоин делатель мзды своея». Фронтон опирался на две огромных статуи. Одна из них, изображавшая богатыря с палицею в правой руке и с зеленой ветвью в левой, символизировала Геркулеса. Другая, изображавшая воина в боевых доспехах и с мечом в руках, символизировала бога войны Марса. Над статуями было написано: «Геркулесовою крепостью» и «Марсовою храбростью». На пьедесталах, служивших основанием статуям, были изображены: азовский паша в чалме и двое скованных турок, а затем (на пьедестале под статуей воина) — татарский мурза и двое скованных татар. Над изображением турецкого паши шла стихотворная надпись:

«Ах! Азов мы потеряли,
И тем бедство себе достали»

Над изображением татарского мурзы:

«Прежде на степях мы ратовались,
Ныне же от Москвы бегством едва спасались».

Около статуй Геркулеса и Марса стояли обвитые зелеными ветвями пирамиды с надписями: «в похвалу прехрабрых воев морских», «в похвалу прехрабрых воев полевых».

Две большие картины на полотне изображали: одна — бой на море, другая — сражение с татарами и приступ к Азову. На первой картине был нарисован также морской бог Нептун, плывущий на диковинном звере. Надпись вкладывала в уста Нептуна слова: «се и аз поздравляю взятием Азова и вам покоряюсь». Были изображены также две головы на колу. То были головы азовского паши и турецкого мурзы. Перила Каменного моста были завешены персидскими коврами[1].

В память взятия Азова в 1696 г. были выпущены медали. На лицевой стороне одной медали был изображен бюст Петра 1 с надписью: «Петр Алек-

[1] Отметим, кстати сказать, что «Допетровская Россия не знала светских официальных торжеств, организуемых правительством. Начало им положил Петр, устроив в Москве (1697) «триумфование» по случаю взятия Азова... Подобные торжества, целью которых являлось не только развлечение, но и политическая пропаганда среди населения, стали с тех пор обычаем». (В. Снегирев — «Архитектор В. И. Баженов. Очерк жизни и творчества. Изд-во Всес. Академии архитектуры, М., 1937; любопытно, что когда при Екатерине II было организовано грандиозное гулянье на Ходынском поле в связи с заключением Кучук-Кайнарджийского договора, в числе возведенных на Ходынском поле архитектурных сооружений мы находим «Азов» или «Азовский замок», «Таганрог» и др., причем строили эти сооружения такие крупнейшие архитекторы России как В. И. Баженов и М. Казаков).

сеевич, повелитель московской, присно прираститель». На оборотной стороне была изображена бомбардировка Азовской крепости с надписью: «Молниями и волнами победитель», внизу была дата «1696».

Рис. 9. Медаль в память взятия Азова в 1696 г.

Иноземные мастера-медальеры также предложили несколько медалей. На лицевой стороне одной из них изображен портрет Петра, а на другой стороне — Виктория (Победа), которая держит в правой руке пальмовую ветвь и стоит на турецких знаменах, щитах, колчанах и луках. Еще на одной медали Геркулес убивал Лернейскую змею и получал от летящей Виктории венец с латинской надписью, которая в переводе гласила: «следует за ним слава и на море и на земле».

Торжественное шествие открывали конюшие, думный дьяк Зотов, сидевшие в карете, которая была запряжена шестеркой вороных лошадей. За ними шли дьяки и певчие. В карете сидели боярин Ф. А. Головин и кравчий К. А. Нарышкин. За

их каретой ехало 2 коляски, а затем конюшня адмирала Лефорта—14 верховых лошадей и 2 коляски. Сам Лефорт ехал в золотых царских санях, запряженных шестеркой темносерых лошадей. По бокам

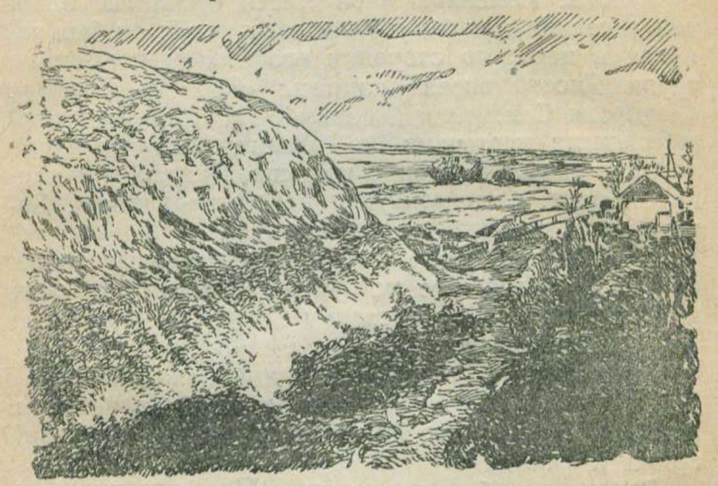

Рис. 10. Остатки земляного вала Азовской крепости.

шли копейщики, капитаны и солдаты морского каравана с мушкетами, по 8 человек в ряд. За вице-адмиралом Лима и шаутбенахтом де-Лозьером следовали два эскадрона солдат. Далее был виден значок боярина Шеина, возвышавшийся за литаврщиками и трубачами. Потом ехала пустая карета, при которой было два карлика. За каретой следовали конюшие, ведшие 8 верховых лошадей, шли 2 роты трубачей, большое царское знамя, у которого был стольник и воевода князь Львов. Верхом ехал боярин Шеин.

По бокам его шло 6 человек с палашами. За

Шеиным следовал артиллерии воевода стольник Вельяминов-Зернов. Солдаты тащили по земле 16 турецких знамен, за которыми вели пленного татарина. Затем шли: генерал Головин и Преображенский полк. Изменник Яков Янсен стоял на телеге под виселицею с надетой на шее петлей; он был закован в цепи; по сторонам его стояли палачи; на груди Янсена висела надпись: «Злодей». Дальше следовали Семеновский полк, Франц Тимерман с корабельными мастерами и плотниками, стрелецкие полки, генерал Гордон с конюшней, штабом и своим значком, пленные турки в белых одеждах, Бутырский и стрелецкие полки и т. д.

Встречала русскую армию многотысячная толпа. Сам Петр в мундире морского капитана, с белым пером на шляпе и протазаном в руке, скромно шел пешком за колесницей адмирала Лефорта.

Так окончился второй азовский поход Петра.

Азовские походы открыли новые страницы в истории русского государства, в истории русской армии и флота.

Россия все больше крепла. Престиж русского государства возрастал. В азовских походах было положено начало той армии, которая вскоре успешно громила прославленную армию шведского короля Карла XII и других неприятелей России.

В азовских походах было положено начало того флота, который очень скоро вписал славные страницы в русскую военную историю. При всем несовершенстве азовского флота, опыт его создания не прошел даром. Следующие корабли строились более умело, количество их умножалось. В 1705 г. молодой русский флот отразил нападение шведского флота на новые русские базы, прикрывавшие подступы к строившемуся Петербургу. В 1710 г. совместными действиями русской армии и флота была

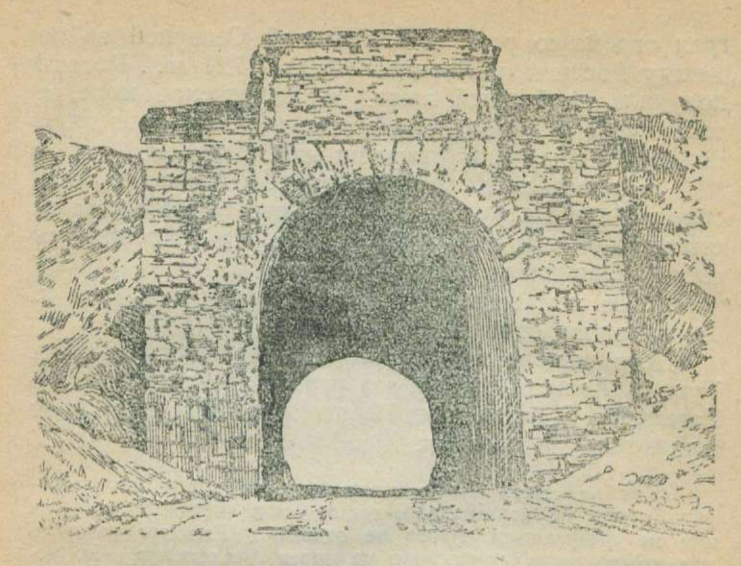

Рис. 11. Крепостные ворота в земляных валах Азовской крепости.

взята шведская крепость Выборг. В 1714 г. была одержана знаменитая Гангутская победа, в которой русский флот разгромил шведов. 1719 г. ознаменовался победой русского флота над шведами у островов Эзеля и Готско-Санде. В 1720 г. в Гренгамском сражении между русским галерным флотом и шведской корабельной эскадрой, галеры взяли на абордаж 4 шведских фрегата.[1] Русский флот сы-

[1] Ср., напр. «Флот в боях за родину», Сборник статей. Военмориздат, Ленинград, 1938.

И сейчас еще в Азове сохранились некоторые памятники прошлого. Несмотря на то, что часть земляных валов срыта и значительная площадь их застроена современными постройками, в ряде пунктов валы и общая конфигурация их сохранились весьма хорошо.

грал огромную роль в длительной Северной войне между Россией и Швецией (1700—1721 гг.). Россия получила свободный выход в Балтийское море, а тем самым «Петр овладел всем, что было абсолютно необходимо для развития его страны»[1].

Что касается дальнейшей судьбы Азова, то надо сказать, что Петру, несмотря на его горячее к тому стремление, так и не удалось все же закрепить за собой Азов навсегда.

После неудачной Прутской кампании, в 1711 г. Азов вновь отошел к Турции.

Петр тяжело переживал необходимость отдать Турции Азов (а также, по условиям договора, и Таганрог). В письме от 19 сентября 1711 г. на имя Апраксина Петр писал:

«Как не своею рукою пишу: нужно турок удовлетворить... пока не услышишь о выходе короля шведского и к ним не отпишешься, Азова не отдавай... Таганрог разорить как можно шире, однако же не портя фундамента, ибо, может быть, бог иначе совершит».

Валы очень интересны для обозрения туристами и экскурсантами. С вершины вала у крепостных ворот открывается обширная картина дельты Дона. Видны донские степи, течение Дона и его рукавов, вдали обрисовываются донские станицы, очертания Ростова. Перед глазами туриста — та местность, в пределах которой происходило столько исторических событий.

Хорошо сохранились старинные крепостные ворота, непосредственно в земляном валу, недалеко от пристани. Таких ворот в крепости было несколько (в различных ее частях), но к нашему времени сохранились только одни ворота.

Сохранился и турецкий кирпичный пороховой погреб XVI—XVII вв. Несмотря на то, что здание погреба подвергалось в позднейшее время лишь небольшому ремонту и поддержке (цементация крыши, укрепление наружных углов и пр.), постройка и сейчас еще очень крепка.

[1] Карл Маркс — «Секретная (тайная) дипломатия XVIII века».

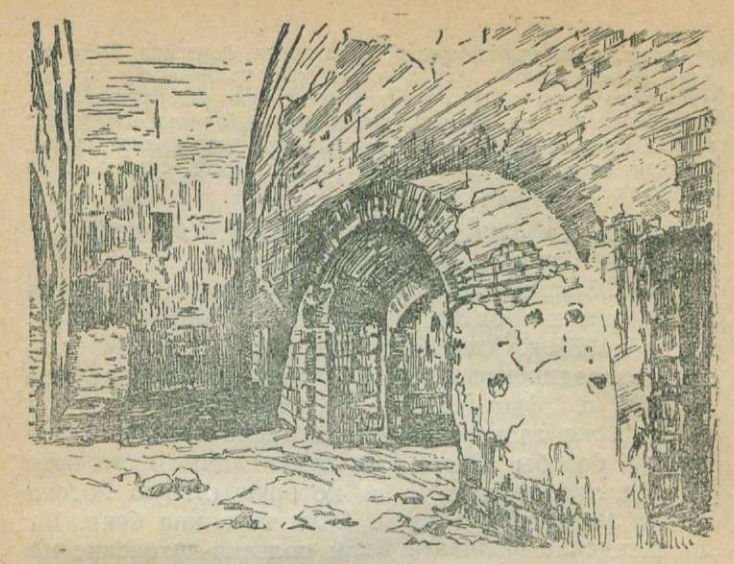

Рис. 12. Старинный пороховой погреб в Азове (вид внутри)

В договоре с Турцией, подписанном 5 апреля 1712 г., читаем:

«Понеже фортеция Азов на краю рубежа блистательной Порты обретается, а его царского величества фортеция Черкаской на краю ж рубежа его обретается, и понеже оныя фортеция порубежиые, и ежели б между теми двумя фортециями вновь строить фортецию, то б могла из того произойти причина возмущения и злых действ; того ради между оными двумя фортециями впредь с обеих стран фортец не строить, и с того дня, как сей акорд поставлен и подписан будет в четыре месяца прежде сего при отдаче Азова блистательной Порте и разорении Таганрога для положения припасов, между Черкаском и Азовом, вновь на земле Черкаской построенная фортеция и подобное строение фортификации дабы разорено и скоренено было. И понеже как фортеция Азова была во владении его царского величества, то на противу вышепереченной фортеции на берегу реки Дону построена была некоторая фортификация от его царского ве-

личества, а во время, как перечисленная фортеция Азов отдана блистательной Порте, помянутая разорена; и понеже нет иного, чтоб разделял вышепереченную разоренную фортификацию между Азовым, токмо река Дон, по елику она принадлежит фертификациям Азова; того ради ежели блистательная Порта захочет на разоренном месте строить паки фортецию да может построить»[1].

Петра до самой смерти (1725 г.) не покидала мысль о возврате Азова и Таганрога.

В 1735 г., когда началась новая русско-турецкая война, русские войска предприняли осаду Азова. Весной 1736 г. Азов был взят. Однако, окончательное присоединение Азова к России произошло лишь в 1774 г. (фактически — в 1769 г.)[2].

История азовских походов тесно связана с историей борьбы Петра I за ликвидацию отсталости России, той отсталости, за которую старую Россию «Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны»...[3]

«Когда Петр Великий, — говорит товарищ Сталин, — имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации

---

[1] Цитируем по книге «Реформы Петра I». Сборник документов, составитель В. И. Лебедев, Соцэкгиз, М., 1937, стр. 253—263.

[2] Очерк истории города Азова см. в нашей кн. «Азов, Ростов, Таганрог». К истории городов Ростовской области. Лекционное бюро РостоблОНО, Ростиздат, Р. н/Д, 1939.

[3] И. В. Сталин. — «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)». Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г., Ленин и Сталин, Том III, Партиздат, 1936, стр. 315—316.

отсталости нашей страны. Более того, эти классы не только не могли разрешить эту задачу, но они были неспособны даже поставить ее, эту задачу, в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства»[1].

---

[1] И. Сталин — Вопросы ленинизма, Парт. изд., 1932, стр. 359.

УКАЗАТЕЛЬ НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ[1]

«Акты, относящиеся к истории Войска Донского», собранные А. А. Лишиным, т. I, Новочеркасск, 1891.

Баев — Курс истории русского военного искусства, М.

Байер — Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. Пер. с нем. языка через С. К. Тауберта, Академии наук адъюнкта. Изд. 3-е. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук, 1782.

Барер И. — Внешняя политика Петра I и образование Российской империи, «Историч. журн.», М., 1938, № 6.

Бранденбург К. Е. — Азовский поход Шеина, «Военный сборник», 1868, № 10.

Брикнер А. Г. — Иллюстрированная история Петра Великого, тт. I — II, СПБ, 1882.

Бутурлин — Военная история походов россиян, тт. I—III, СПБ, 1821—1822.

Валишевский К. — Петр Великий: воспитание, личность, дела. Пер. с франц., М., 1911.

Веселаго Ф. — Очерк русской морской истории, ч. 1-я, СПБ, 1874.

Веселаго Ф. — Краткая история русского флота (с начала развития мореплавания до 1825 года). Изд. 2-е, Военмориздат, М—Л., 1939.

Военное прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения XVII в. — начала XIX в. Очерк-путеводитель по выставке. Изд. 2-е, Эрмитаж, Л., 1939.

Вознесенский С. — Программа чтения по русской истории. Указатель литературы, П., 1923 (Литература по Петровской эпохе, стр. 112 и сл.).

Веселовский Г. М. — Исторический очерк города Воронежа 1586—1886, изд. Воронежской городской думы, Воронеж, 1886.

[1] Составил Б. В. Лунин.

Габаев Г. — О некоторых ошибках русской военной историографии. «Военно-исторический журнал», Воениздат, 1940, № 3 (автор критикует официальную версию старой русской историографии о том, что регулярные полки русской армии были созданы в 1699—1710 гг. на основе «потешных». По мнению автора, сами «потешные» были обучены офицерами и солдатами московских выборных солдатских полков. Кадрами новой петровской армии послужили на две трети старые выборные полки и лишь на одну треть их выученики — потешные).

Голиков И. И. — Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, I—XV, М., 1837—1843, (1-е изд. «Деяний» в 12 томах вышло в 1788—1789 гг.).

Голиков И. И. — Дополнение к Деяниям Петра Великого, тт. 1—18, СПБ, 1790—1797 гг.

Голиков И. И. — Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца Франца Яковлевича Лефорта... подобно же посвятившего себя службе отечества нашего, знаменитого шотландца, войск его же величества генерала-аншефа Патрика Гордона, известного у нас под именем Петра Ивановича Гордона, М., 1800.

Гордон Патрик — Дневник, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 гг. и во время пребывания в России от 1661 до 1699 гг. Перевод с немецкого М. Салтыковой. 2 части, М., 1892 (вступительный очерк).

Гудима-Левкович П. — Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 г., СПБ, 1875.

200-летие завоевания Азова. Краткий исторический очерк. Газ. «Приаз. край», 1896, № 191.

Дневник поездки в Московское государство... веденный Иоанном Георгом Корбом. Перевод с латинского Б. Женева и М. Семеновского, М., 1867 (также изд. 1906 г.).

Елагин С. — Азовский период истории русского флота, «Морск. сборник», М., 1862, № 5.

Елагин С. — История русского флота. Период азовский. СПБ, 1864 (также прилож.).

Желябужский И. — Записки, изд. Д. Языкова, 1840 (описание похода на Азов).

Житков К. Г. — История русского флота. Период Петров (1672—1725 гг.), СПБ, 1912.

— й — 200-летие завоевания Азова. 19 июля 1696 г.— 19 июля 1896 г. Газ. «Приаз. край», 1896, № 191.

Известия об осаде Азова в 1695 г. Академический,

исторический и географический месяцеслов на 1783 г. (дневник Гордона).

Ильин А. М. — Танаис, Тана, Азов. Исторический очерк местности, занимаемой Донской дельтой. Ростов на Дону, 1908.

Ильин А. М. — Прошлое донской дельты. Историческая схема донских низовых земель. Ростов н/Д., 1914 (отд. оттиск из «Записок» Р. н/Д. о-ва истории, древн. и прир., т. II, Р. н/Д., 1914).

История русской армии и флота, т. I, М., 1911.

Карамзин Н. М. — История государства Российского, М.

Ключевский В. О. — Курс русской истории, ч. IV, 2-е изд., ГИЗ, М.—П., 1923 (также изд. 3-е).

Ключевский В. О. — Петр Великий среди своих сотрудников. Очерки и речи. 2-й сб. статей, П., 1919 (об отношении Петра к Лефорту и Гордону).

Князьков С. — Очерки по истории Петра Великого и его времени, изд. 2-е, испр. и доп., СПБ, 1914.

Ласковский Ф. — Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. II, СПБ, 1861.

Леер Г. А. — Петр Великий, как полководец. «Воен. сборник», 1865, № 3—4 (март, апрель).

Леер Г. А. — Обзор войн России, ч. IV, кн. I, 1898.

Лунин Б. В. — Азов, Ростов, Таганрог. Ростоблиздат, Р. н/Д., 1939.

Лунин Б. В. — Азовское сиденье. Ростоблиздат, Р. н/Д., 1939.

Лунин Б. В. — К истории донского казачества. Ростоблиздат, Р. н/Д., 1939 (там же указатель литературы по истории донского казачества).

Лунин Б. В. — Старый город (Черкасск). Краткий очерк исторического прошлого станицы Старочеркасской. Исторические памятники Ростовской области. Ростоблиздат, Р. н/Д., 1939.

Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии, в. 2-й, Екатеринослав, 1880.

Материалы к теме: «Россия XVIII века — империя помещиков и купцов» (под ред. проф. А. Б. Шестакова), Петр I и его реформы. Журн. «Пропагандист и агитатор РККА», М., 1938, № 5.

Миллер Г. Ф., акад. — История Петра Великого (период юности Петра I).

Масловский Д. Ф. — Записки по истории военного искусства в России, в. 1-й, СПБ, 1891.

Михневич — История военного искусства с древнейших времен до начала XIX столетия (его же «Основы русского военного искусства»).

Мышлаевский — Азовские походы, «Военный сборник», 1901, № 1.

Нечаев В. В. — Внешняя политика Петра Великого, сборник «Три века», т. III, М., 1912.

Норов Н. — Участие донских казаков в азовских походах Петра Великого (1695—1696), Новочеркасск, 1872.

Оглоблин О. П. — Украïна в части Петра I. Изд-во Академии Наук УССР, Киев, 1939 (на украинском языке, рецензия В. Пичета в журн. «Историк-марксист», 1940, № 4—5).

П. Ф. — Очерк истории Азова по поводу 200-летия юбилея взятия его русскими. Таганрог, 1896 (автор П. П. Филевский).

«Письма Петра Великого к брату своему, царю Ивану Алексеевичу и патриарху Адриану с ответом на оныя и на отзывы боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, боярина князя Бориса Алексеевича Голицына и воеводы Бориса Петровича Шереметьева», СПБ, 1788 (также различные другие издания переписки Петра I, см. напр. — С. Р. Минцлов (сост.) —«Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке», в. 1-й, Новгород, 1911).

«Письма и бумаги Петра Великого», тт. I—VII, СПБ, 1879—1918 гг.

«Письма русских государей и других особ царского семейства», 1—4, М., 1861—1862.

Пичета В. И. — Реформа армии и флота при Петре Великом. «Три века. Россия от смуты до нашего времени», том IV, М., 1913.

Платонов С. Ф. акад. — Петр Великий. Личность и деятельность. Изд-во «Время», Л., 1926.

Полевой Н. — История Петра Великого, ч. I—IV, СПБ, 1843.

Попов Х. И. (ред.). — Высочайшие грамоты и регалии, пожалованные войску Донскому, Новочеркасск, 1887.

Попов Х. И. (ред.). — Акты, относящиеся к истории войска Донского: высочайшие грамоты, рескрипты и проч., Новочеркасск, 1902.

Пояснительный текст к пятому выпуску альбома наглядных пособий по истории СССР Тема: образование Рос-

сийской империи помещиков и купцов. Сост. научный сотрудник М. И. Мешков. ОГИЗ, Госполитиздат, М., 1940 («Азовские походы 1695 — 1696 гг.»).

Пузыревский — Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого, М.

Ратч — Азовский поход, 1669 г., «Артиллерийский журнал», М., 1857, № 5.

Реформы Петра I. Сборник документов. Составитель В. И. Лебедев, Соцэкгиз, М., 1937 (там же указатель литературы — «Главнейшая литература по преобразованиям Петра I»).

Реформы Петра I и образование Российской империи помещиков и купцов, изд. Гос. историч. музея, М., 1938 (путеводитель по XX-й зале).

«Сборник выписок из архивных бумаг Петра Великого», тт. I—II, М., 1872.

Свешников В. В. — Основание Таганрога Петром I, «Вестник Моск. политехн. ин-та», М., 1872, № 27.

«Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление», Гос. Эрмитаж, Л., 1940.

«Сказание о взятии Азова и о преславной победе над турками и татары, Древняя Российская Вифлиофика», 2-е изд., т. XVI.

Скальковский А. — Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, Одесса, 1838.

«Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя», изд. В. Берга, тт. I—IV, СПБ, 1829—1830.

Соловьев С. М. — История России с древнейших времен. Книга третья, тт. XI—XV, СПБ, изд-во «Общественная польза».

Сухоруков В. Д. — Историческое описание земли Войска Донского. Издание второе Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1903. (Ряд цитат из старинных документов, характеризующих участие донских казаков в азовских походах и последующих событиях, см. также А. И. Ригельман и др. Вообще же литература о донских казаках подробно в этом указателе не приводится: интересующихся отсылаем к нашему указателю в книге «К истории донского казачества»).

Туманский Ф. — Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деятельности государя императора Петра Великого,

10 частей, СПБ, 1781. В III и VIII тт. — Журнал государя Петра I с 1695 по 1709 гг., сочиненный бароном Гизеном, т. V — Торжественный въезд в Москву боярина Шеина и адмирала Лефорта после азовского сиденья и т. д. (ряд документов петровского времени приведен также в новиковской «Вифлиофике»).

Украинцев Е. дьяк — Чрезвычайное посольство к Порте Оттоманской в 1699 и 1700 гг. «Отечеств. записки», 1827, ч. 29, № 82, № 83.

Устрялов Н. — История царствования Петра Великого, тт: I—IV, VI, СПБ, 1858 — 1863 (особенно — т. II — «Потешные и азовские походы», СПБ, 1858).

Филевский П. П. — История города Таганрога, М., 1898.

«Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа на Азов, на Таганрог и Керчь, а оттуда паки назад к Азову 1699 года». («Зап. гидрографич. отд. департ. морск. министерства», 1850, т. VIII, стр. 367—394). Второй труд Крейса по-голландски и по-русски: «Вице-адмирала Корнелия Крейса описание реки Дона... Купно с изображением Азовского и Черного морей», Амстердам, 1703 (экземпляр имеется в библиотеке им. К. Маркса в Р. н/Д.).

Юнаков Н. Л. — Азовские походы, «Военная энциклопедия». Под ред. В. Ф. Новицкого и др. Том I: Т-во И. Д. Сытина, Петербург, 1911 (см. также «Азов», «Азовский флот» и др.).

«Юрналы и камер-фурьевские журналы, походные и путевые журналы императора Петра I», 1695 — 1713 гг., 1715—1725, СПБ, 1853—1855.

«Рне году генваря в 22-й день писана сия 7185 книга в дому боярина князя Василья Васильевича Голицына глаголемая: сия книга история о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань лета от создания мира 7185 а от Рождества Христова 1677». «Записки одесского общества истории и древностей», т. III, Одесса, 1872. Рассказ очевидца похода турок и татар к Астрахани и Азову.

Перечень важнейших источников и пособий по темам «Русское государство в XVII в.», «Российская дворянская империя XVIII в.», см. также в кн. «История СССР». Список рекомендуемой литературы и основных пособий. С древнейших времен до второй половины XIX в., Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина, М., 1940, цена 2 р. 50 коп.

Б. В. Лунин, Н. И. Потапов.

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ ПЕТРА I.

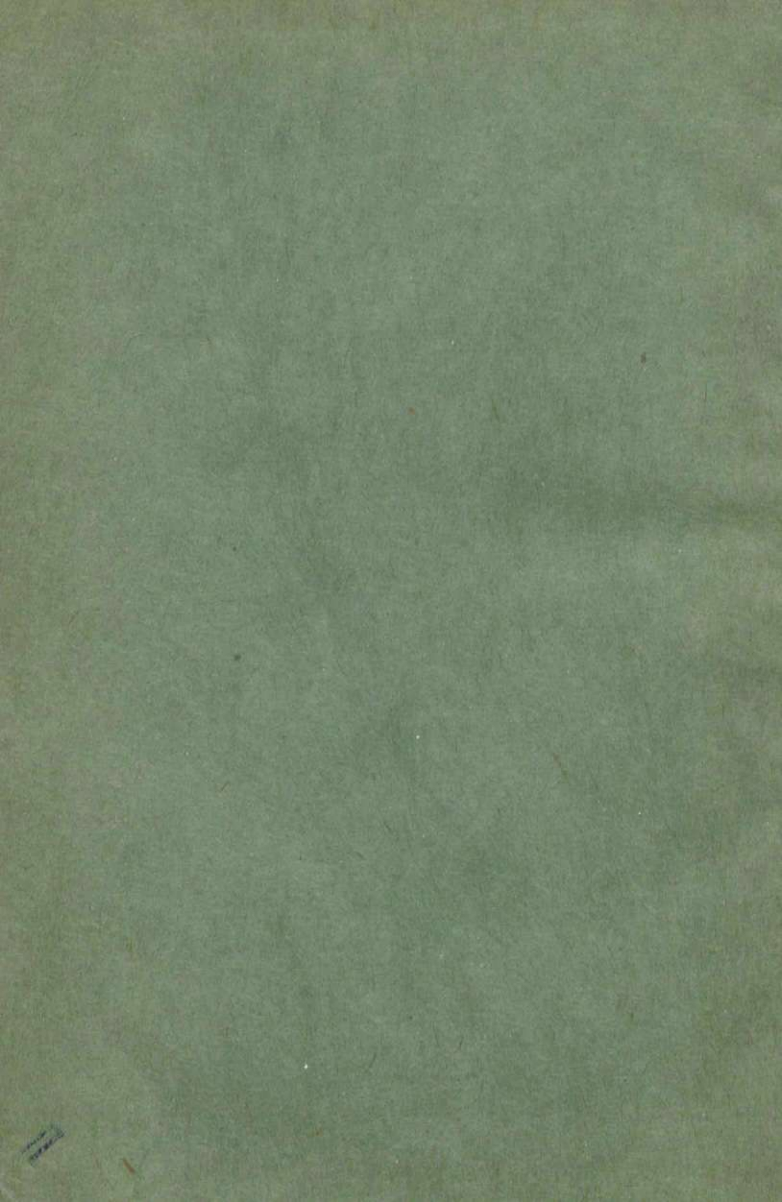
Редактор *В. К. Афанасьев*
Технический редактор *Д. П. Копытцов*
Ответственная корректура *Б. И. Гербер*
Обложка худ. *А. А. Мытникова*

Изд. 115 6611 – КМ. Сдано в набор 18-VI 1940 г. Подписано к печати 20-VII 1940 г. Формат 70×103 32 (124×168). Объем 3 1/4 + 1/8 вкл. п. л. (1 11/16 б. л.). 5 000 зн. в п. л. Тираж 7500. Уполобллит Н — 2025.

Гостипография им. Коминтерна и переплетная фабрика „Красный переплетчик“ Областного Объединения Издательств и Полиграфпромышленности в Ростове на Дону. Зак № 1329

ОПЕЧАТКИ
в книге „Азовские походы Петра I"

Стр.	Строка	Напечатано	Следует	По чьей вине
13	10 сверху	турками	туркам	автора
48	8 снизу	европейского	еврейского	типогр.
53	11 снизу	из Азова в Азов	в Азов	автора
101	10 сверху	части	часи	типогр.
102	7 „	1669	1696	„

Ц а 3 руб.

С Т И З Д А Т

...ro... ...нгельса, 32

ОБЛКОГИЗ — ... в н-Д., Мо...

ОБЛПОТРЕБС... — ... ЖЕ...

Ростов н-Д., ...умян